

В9769

3 (081)

М. В. Степанович

НАЧАЛА СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ.

Чарльз Брэдли

АТЕИЗМЪ.

(Естественная религія).

Достоинство, Свобода

и Независимость.

Рабство Женщины.

Имв. 1953 г. 2267

„Жить и другимъ давать жить“.

Складъ книгоиздательства „ПОТОКЪ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Коломенская улица, д. № 1.

1907.

1965 г.

НАЧАЛО СОЦИАЛЬНОЙ НАУКИ

Нищета или Физическая, Половая и Естественная Религия.
(Проституция, Любовь и бракъ съ точки зрѣнія социальной науки)
служить введеніемъ къ этой книгѣ.

Б С С Р
Дзяржабібліатэка
імя В. І. Леніна
№ 363

АТЕИЗМЪ

(Естественная религія).

Въ нашемъ вѣкѣ постепенно совершается величайшая изъ всѣхъ революцій, какая только совершалась или можетъ совершиться.—Эта громадная революція состоитъ въ переходѣ отъ сверхъестественной религіи къ естественной. Съ самаго начала существованія человѣчества и до настоящаго времени, идея о сверхъестественномъ заражала человѣка во всѣхъ странахъ и при всѣхъ условіяхъ его жизни. Онъ избиралъ главнымъ предметомъ своего обожанія и поклоненія такія силы и способности, которыя были чужды его природѣ и казались ему высшими. Онъ создавалъ себѣ представленія о существахъ, которымъ будто-бы подчинялись тѣ силы, дѣятельность которыхъ онъ наблюдалъ въ самомъ себѣ и въ окружающемъ мірѣ; онъ воображалъ, что эти существа дали начало и законы его дѣятельности и что онѣ постоянно вмѣшиваются въ его жизнь.

Эта вѣра въ сверхъестественное у различныхъ народовъ выразилась различно. Съ теченіемъ времени она постепенно теряла свою первоначальную грубую форму и облекалась въ болѣе утонченную и возвышенную, которая сохраняется и по сіе время. Сначала человѣкъ не могъ объяснить себѣ ни одного изъ совершавшихся вокругъ него явленій, а потому приписывалъ все сверхъестественной силѣ. Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ бога непосредственною причиною бури и хорошей погоды, развитія растений и животныхъ, виновникомъ счастья, несчастья и всей судьбы человѣческой. Короче сказать, когда онъ вообразилъ себѣ существованіе одного сверхъестественнаго существа или множества такихъ существъ, то сталъ вѣрить, что всякое такое существо постоянно вмѣшивается во все происходящее, и признавать его самую могучею и дѣятельною силою во всей вселенной.

Но, мало по малу, въ теченіе вѣковъ, наука доказала намъ, что всѣ видимыя явленія совершаются вслѣдствіе естественныхъ причинъ и что при внимательномъ изученіи всякое воображаемое таинственное дѣйствіе оказывается совершенно естественнымъ результатомъ природныхъ силъ. Такимъ-то образомъ представленіе о непосредственномъ сверхъестественномъ вмѣшательствѣ постепенно уступало мѣсто болѣе вѣрному ученію о вторичныхъ причинахъ, тому ученію, которому

теперь вѣруютъ всѣ просвѣщенные люди. Хотя идея о сверхъестественномъ существѣ еще удержана нѣкоторыми учеными, но они не дѣлаютъ уже изъ этого существа активнаго дѣятеля всѣхъ явленій природы, а вѣруютъ только, что оно въ началѣ создало природу и предписало ей законы, въ силу которыхъ все въ природѣ должно совершаться само собою. Это весьма обыкновенное вѣрованіе людей, которыхъ убѣдило естествознаніе въ томъ, что въ природѣ ничто не можетъ удалиться отъ вліянія неизбѣжныхъ законовъ, что все совершается только въ силу ихъ и что не замѣчается ни малѣйшаго признака какого нибудь посторонняго вмѣшательства въ природу вещей. Но, къ сожалѣнію, такіе люди все еще хотятъ примирить подобное отсутствіе вмѣшательства сверхъестественной силы съ господствующими религіозными вѣрованіями.

Обыкновенная вѣра признаетъ, что сверхъестественная сила дѣйствуетъ повсюду, и утверждаетъ, что не только весь міръ одушевленный и неодушевленный былъ первоначально созданъ сверхъестественнымъ существомъ, но еще и то, что это существо постоянно вмѣшивается въ дѣла людскія даже и по сіе время. Такъ христіане вѣрятъ, что богъ ниспосылаетъ намъ здоровье и болѣзнь, счастье и несчастье. Они вѣруютъ, что его духъ дѣйствуетъ на нашу духовную сторону такъ, что обращаетъ насъ на путь святости или же, напротивъ, закореняетъ насъ въ невѣріе. Если мы станемъ внимательно изучать христіанскія ученія, то найдемъ, что идея божественнаго вмѣшательства въ природу должна была постепенно, шагъ за шагомъ, уступать мѣсто идеѣ естественной причинности. Въ геологіи, астрономіи, химіи, физикѣ, батаникѣ, зоологіи и пр. ни одинъ образованный человѣкъ никогда не подумаетъ прибѣгать къ идеѣ сверхъестественнаго вмѣшательства для объясненія наблюдаемыхъ явленій. Даже и человѣку, незнакому съ наукой, едва ли придетъ въ голову мысль, что химическія измѣненія, суточное обращеніе земли, ростъ деревьевъ совершаются вслѣдствіе непосредственнаго сверхъестественнаго вмѣшательства. Не безъ упорной и долгой борьбы супернатурализмъ отказался отъ своей власти надъ наукой; поле битвы оспаривалось вершокъ за вершкомъ, и прежде чѣмъ истина взяла верхъ, много астрономовъ и геологовъ подверглось отлученію со стороны приверженцевъ супернатурализма за „нечестивую“ теорію естественной причинности.

Въ настоящее время продолжаютъ еще, однако, признавать непосредственное вмѣшательство божества въ область духа. Теперь едва ли кто нибудь вѣритъ, что богъ непосредственно дѣйствуетъ на вещественный міръ, съ цѣлью производить въ немъ перемѣны, такъ напр. заставлять рѣку течь вверхъ или уничтожить естественныя дѣйствія химическаго средства: подобныя измѣненія очевидно невозможны, и мы видимъ, что онѣ никогда не случаются. Но люди вѣрятъ еще, что богъ измѣняетъ наши мысли, что онъ постоянно дѣйствуетъ на нашу духовную сторону и возбуждаетъ въ насъ радость и печаль, вѣру и невѣріе.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы вѣра въ подчиненіе матеріальныхъ явленій дѣйствию сверхъестественнаго вмѣшательства совершенно уже исчезла. Она не касается только тѣхъ естественныхъ явленій, которыя теперь вполне понятны и доказаны. Но въ тѣхъ отрасляхъ науки, гдѣ нѣтъ еще точныхъ доказательствъ законности явленій, существуетъ еще вѣра въ сверхъестественную силу. Многіе, напр., вѣрятъ, что погода и времена года подлежатъ сверхъестественному вмѣшательству. Какойнибудь случай, въ родѣ болѣзни картофеля, естественная причина которой еще не открыта, также приписывается вліянію сверхъестественной силы. Болѣзни нашего тѣла, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя особенно страшны, какъ холера, весьма часто объясняются дѣломъ божественной воли. Вотъ почему къ этому божеству возносятся молитвы о ниспосланіи дождя, хорошей погоды, объ избавленіи отъ болѣзни картофеля и о дарованіи здравія больному человѣку. Кто возноситъ подобныя молитвы, не думаетъ, конечно, о томъ, что молить бога о здравіи такъ же глупо, какъ просить его построить городъ или разрѣшить математическую задачу. Такая мольба основана на радикально ложномъ предположеніи, будто сверхъестественное вмѣшательство въ природу можетъ отмѣнить ея законы, которые управляютъ временами года, погодою и здоровьемъ картофеля и человѣческаго тѣла. Эти законы неизмѣнны и неотмѣнимы точно такъ же, какъ и законы математики или строительнаго искусства. Всякій чувствуетъ совершенную бесполезность молить бога построить ему домъ и находить подобную молитву дѣтскою и глупою; но въ тоже время онъ не думаетъ о томъ, что молитва о вмѣшательствѣ бога въ естественныя отправленія организма или въ теченіе временъ года точно также нелѣпа.

Законы духа опредѣлены и неизмѣнны не менѣе законовъ матеріи. Чѣмъ внимательнѣе мы всматриваемся въ явленія духовной жизни въ насъ самихъ и другихъ, тѣмъ яснѣе понимаемъ, что онѣ, какъ и всѣ явленія міра вещественнаго, абсолютно и вполне зависятъ отъ естественныхъ причинъ и никогда, ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ ни малѣйшему сверхъестественному вліянію. Развитіе наукъ, изучающихъ духовную и нравственную сторону человѣка, было задержано по незнанію этой великой истины; вотъ почему физическія науки сдѣлали въ послѣднее время громадныя успѣхи, межъ тѣмъ какъ науки нравственныя остались сравнительно безъ развитія. Физиологія, наука объ отправленіяхъ живого тѣла, долго не могла развиваться подъ вліяніемъ догматической вѣры въ какой-то „жизненный принципъ“, въ какую-то неопредѣленную сверхъестественную силу, относительно которой предполагали, что она управляетъ отправленіями тѣла и находится совершенно внѣ нашего познанія. Вслѣдствіе этого всякое жизненное дѣйствіе приписывалось этому принципу; всякое изученіе считалось нечестіемъ. Но теперь мы знаемъ, что всѣ жизненныя дѣйствія совершаются по опредѣленнымъ законамъ, которые естественны и доступны нашему пониманію

точно так же, как и законы физическіе, несмотря на ихъ сложность. Развѣтіе наукъ нравственныхъ и психологическихъ задерживаются вѣроу, что духъ есть сущность особеннаго, непостижимаго свойства, что онъ прямо подчиняется вліянію сверхъестественнаго вмѣшательства, а не управляется тѣми же опредѣленными и понятными законами, какъ и вся остальная природа. Но истина заключается въ томъ, что дѣятельность духа абсолютно независима отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, какъ и дѣятельность вещества. Законы природы никогда не нарушаются. Въ насъ не зарождается ни одной мысли, не совершается ни одного душевнаго движенія, которое не зависело бы вполне отъ естественныхъ причинъ. Законы душевныхъ движеній и мыслей, условія, отъ которыхъ зависятъ счастье или печаль, добродѣтель или порокъ, такъ же вѣрны и неизмѣнны, какъ и законы химіи; мы способны открыть и понять ихъ, хотя, вслѣдствіе большей сложности нравственныхъ явленій, и труднѣе опредѣлить ихъ. Впрочемъ, при изслѣдованіи законовъ духа, мы пользуемся тѣмъ преимуществомъ, что эти законы дѣйствуютъ въ насъ самихъ и, такимъ образомъ, дѣйствія ихъ полнѣе входятъ въ область нашего сознанія.

Вѣра въ зависимость духа отъ сверхъестественнаго вмѣшательства и въ связь души съ какими-то сверхъестественными сущностями была въ высшей степени вредна для истинной нравственной науки и заградила тотъ путь къ изслѣдованію умственныхъ процессовъ, который одинъ только и могъ привести къ полезнымъ выводамъ. Вотъ почему, въ настоящее время нѣтъ нравственной науки, вполне соответствующей этому названію. Законы душевнаго здоровья, отъ котораго зависятъ счастье и добродѣтель, еще не открыты и не приведены въ научный видъ. Вслѣдствіе этого господствуетъ крайнее смѣшеніе понятій относительно здороваго состоянія духа и значенія добродѣтели. Наше обыкновенное мѣрило нравственнаго совершенства невѣрно, а потому наши нравственные типы не могутъ быть цѣлью нашихъ стремленій. За недостаткомъ истиннаго, естественнаго типа, по которому мы могли бы судить о здоровьи и болѣзни духа, мы впадаемъ постоянно въ ошибки и въ нашихъ сужденіяхъ о другихъ, и въ нашихъ собственныхъ поступкахъ. Мы всецѣло отдаемся тому образу мыслей и чувствъ, который считаемъ хорошимъ, но который въ дѣйствительности только пагубенъ; вотъ почему мы такъ несчастны, даже безумны, совершенно не сознавая, что причина нашего несчастія коренится въ нарушеніи законовъ душевнаго здоровья.

Несомнѣнно, что все горе и несчастіе, происходящее отъ причинъ душевнаго свойства, неизмѣнно бываетъ послѣдствіемъ неповиновенія законамъ нравственнаго здоровья, а противоположное состояніе веселья, здоровья и силы духа можетъ появиться только при повиновеніи этимъ законамъ. Всякая добродѣтель возможна только въ томъ случаѣ, когда соблюдаются естественныя условія, ведущія къ ней, а все пороки зависятъ отъ нарушенія этихъ условій. Хорошее состояніе духа неизмѣнно является отъ естественныхъ причинъ; умолять о сверхъестественномъ

вмѣшательствѣ или помощи, чтобы сдѣлаться добродѣтельнымъ такъ же нелѣпно, какъ просить о дарованіи тѣлесной силы, здоровья, или молить бога построить намъ домъ. А между тѣмъ къ божеству постоянно возносятся молитвы о томъ, чтобы оно дало намъ сокрушенное и смиренное сердце, и любящую и набожную душу: все это вадорно и бесполезно.

Нѣтъ вреднѣе вѣры, которая побуждаетъ насъ думать, что душевное и тѣлесное здоровье можетъ получиться при помощи сверхъестественныхъ средствъ. Такая вѣра мѣшаетъ намъ ясно видѣть единственныя средства, которыя могутъ быть намъ полезны, т. е. естественныя средства. Она парализуетъ наши усилія, побуждая насъ полагаться на такую помощь, которая никогда не была и не можетъ быть никому оказана. Въ прежнее время при леченіи тѣлесныхъ болѣзней былъ обычай прибѣгать къ молитвамъ и религіознымъ обрядамъ, вмѣсто естественныхъ средствъ; но, къ счастью человѣчества, такая вѣра почти совершенно исчезла, а молитвы объ исцѣленіи больного посредствомъ нарушенія естественныхъ законовъ повторяются теперь только для соблюденія формы, въ которую никто не вѣритъ. Неужели кто нибудь, при видѣ умирающаго отъ рака или чахотки, станетъ ожидать, что силою сверхъестественнаго вмѣшательства отыщется неизбѣжный исходъ болѣзни?

Нельзя ожидать, чтобы человѣчество наслаждалось счастьемъ, пока господствуютъ супернатуральныя воззрѣнія, пока ко всѣмъ условіямъ счастья и несчастья, ко всѣмъ добродѣтелямъ и порокамъ, къ здоровому и болѣзненному состоянію будутъ относиться одинаковымъ образомъ, т. е. пока во всемъ будутъ видѣть вліяніе сверхъестественнаго авторитета, а не дѣйствіе самой природы съ ея безконечнымъ разнообразіемъ, съ прекрасною и непогрѣшимою цѣлью естественной причинности. Взгляните на страшную нищету и преступленія, среди которыхъ мы живемъ. Во многихъ слояхъ своихъ наше общество, въ нравственномъ отношеніи, представляетъ чумной лазаретъ, на который нельзя смотрѣть безъ ужаса. Безконечность этихъ несчастій происходитъ прямо отъ нашего незнанія естественныхъ законовъ счастья и, кромѣ того, отъ пагубнаго предрасудка, будто исцѣленіе этихъ золь зависитъ отъ сверхъестественной воли. Что могутъ сдѣлать молитвы о томъ, чтобы богъ скалился надъ бѣдными, уничтожилъ нищету, пьянство и проституцію? Всѣ молитвы не устраняютъ ни одного горя или порока. Одно лишь внимательное изученіе естественныхъ причинъ, порождающихъ несчастія, а также тѣхъ условій, при которыхъ возможно счастье, создаетъ для насъ лучшее положеніе. Сколько потеряно драгоценнаго времени! Сколько страданій, горя и униженія породила вѣра въ сверхъестественную помощь, которая всегда была только призракомъ!

Идея сверхъестественнаго парализовала всѣ попытки и усилія людей уничтожить нищету и страданія. Но сама нищета считалась необходимымъ зломъ, которое должно терпѣть человѣчество въ наказаніе за гордость и грѣхъ. Съ этой точки зрѣнія, въ теченіе вѣковъ, смотрѣли

также и на болѣзнь, пока успѣхи медицинской науки не доказали, что она происходит просто отъ нарушенія физическихъ законовъ. „Такъ было угодно богу“ или „десница божія тяготѣла надъ ними“! вотъ постоянныя фразы на устахъ тѣхъ, кто думалъ всегда о богѣ и его вмѣшательствѣ. Точно также и моралисты-спиритуалисты, и попы не придаютъ никакого значенія всѣмъ стремленіямъ возвысить и улучшить жизнь человѣчества. „Это никогда не удастся,“ говорятъ они, „потому что главная причина нищеты и всѣхъ другихъ социальныхъ золъ заключается въ естественной, прирожденной человѣку испорченности; кромѣ того, развѣ не сказано въ библіи, что „бѣдные никогда не исчезнутъ съ лица земли“? Такимъ образомъ они довольствуются молитвами о сверхъестественномъ вмѣшательствѣ для измѣненія грѣховной воли людей и не принимаютъ участія въ надеждахъ и цѣляхъ изслѣдователей, идущихъ естественнымъ путемъ. Но такой изслѣдователь, возмущенный при видѣ того унижительнаго состоянія, въ которомъ теперь находится человѣчество, въ то же время не теряетъ никогда надежды, потому что не можетъ забыть той великой истины, что всѣ страданія происходятъ отъ естественныхъ причинъ и отъ нарушенія естественныхъ законовъ. Вотъ почему для него не существуетъ никакого сверхъестественнаго препятствія къ ихъ устраненію. Изучая, какъ слѣдуетъ, различныя причины счастья и несчастья, порока и добродѣтели, нищеты и преступленія, примѣры которыхъ мы видимъ вокругъ себя въ безчисленномъ разнообразіи человѣческой жизни, мы получимъ современемъ возможность уничтожить эти бѣдствія, по крайней мѣрѣ въ значительной степени. Современемъ всѣ мы оцѣнимъ сравнительное значеніе этихъ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія на судьбу человѣчества.

Такимъ образомъ, чѣмъ глубже мы поймемъ явленія природы, явленія духа и матеріи, тѣмъ болѣе убѣдимся въ томъ, что всякое дѣйствіе происходитъ отъ естественныхъ причинъ и что вездѣ господствуютъ постоянныя и неизмѣнныя законы, отъ которыхъ никогда и ни въ какихъ случаяхъ не бываетъ отступленій. Ни въ области духа, ни въ области вещества никогда не бываетъ и тѣни какого нибудь признака сверхъестественнаго вмѣшательства. Эта великая истина лежитъ въ основѣ всѣхъ наукъ и не далеко то время, когда всѣ должны будутъ признать ее всецѣло, какъ для наукъ физическихъ, такъ и моральныхъ. Появивъ и усвоивъ эту истину, мы увидимъ совершенную бесполезность искать внѣ природы причинъ счастья и несчастья, или вообще всякаго явленія въ мірѣ физическомъ и нравственномъ. Всѣ мы поймемъ окончательно негѣдность молитвъ о сверхъестественномъ нарушеніи тѣхъ чудныхъ законовъ, удивительная точность и неизмѣнность которыхъ составляетъ главное ихъ достоинство и основу нашей собственной безопасности. Скоро въ области духа, какъ и въ области вещества придется совершенно отказаться отъ ученія о непосредственномъ вмѣшательствѣ. Всѣ мы должны признать, что если только божество и существуетъ, то по край-

ней мѣрѣ оно никогда и ни въ какомъ случаѣ не вмѣшивается въ естественный ходъ вещей. Такимъ образомъ моралистъ, относящій все къ сверхъестественному влиянію, скоро будетъ неизбежно принужденъ принять, по крайней мѣрѣ, ученіе о вторичныхъ причинахъ для объясненія явленій, совершающихся какъ въ области духа, такъ и въ мірѣ вещественномъ.

Разсмотримъ же теперь это ученіе о вторичныхъ причинахъ. Оно сохраняетъ еще, къ сожалѣнію, идею верховнаго сверхъестественнаго существа и вѣритъ, что это существо первоначально создало вещественный міръ и дало ему законы, которые впоследствии не должны были никогда нарушаться, исключая одного случая: сотворенія различныхъ видовъ животныхъ и растений, чего, какъ предполагаетъ это ученіе, природа сама, безъ помощи божьей, не можетъ сдѣлать. Сверхъестественныя дѣйствія, о которыхъ повѣствуетъ библія, признаются нѣкоторыми въ томъ предположеніи, будто бы богъ принялъ особенныя мѣры для чудесныхъ происшествій. Такимъ образомъ, по ученію о вторичныхъ причинахъ, сверхъестественныя силы дѣйствовали во вселенной только въ двухъ эпохахъ, именно: при самомъ созданіи, а потомъ при сотвореніи различныхъ породъ живыхъ существъ. Законы, однажды установленные, по этому ученію, никогда не нарушались, а сверхъестественная дѣятельность теперь никогда не проявляется въ мірѣ; мы должны допускать существованіе бога только какъ силу, сохраняющую и поддерживающую природу.

19863 Это ученіе гораздо предпочтительнѣе ученія о прямомъ сверхъестественномъ вмѣшателствѣ. Оно устраняетъ отчасти вздорную идею о вмѣшателствѣ, ограничивая прямыя дѣйствія первичной причины только начальнымъ созданіемъ, а потому и позволяетъ изслѣдовать тѣ законы, которые были сперва установлены, и дѣйствовать сообразно съ ними. Оно не оставляетъ людямъ никакой надежды на сверхъестественную помощь и устраняетъ мысль о томъ, что для человѣка обязательно или выгодно искать такой помощи. Ученіе о вторичныхъ причинахъ въ мірѣ физическихъ явленій господствуетъ теперь между людьми науки, которые считаютъ себя христіанами, и допускаетъ значительную свободу изслѣдованія природы. Желательно, чтобы въ моральной наукѣ господствовала такая же степень свободы. Но ученіе о непосредственномъ сверхъестественномъ вмѣшателствѣ такъ глубоко укоренилась, а вся исторія христіанства такъ неразрывно связана съ нимъ, что даже о вторичныхъ причинахъ не допускается для нравственныхъ явленій.

Ученіе о вторичныхъ причинахъ не можетъ, разумѣется, считаться истиннымъ и удовлетворительнымъ. По какому праву можемъ мы утверждать, что сверхъестественная сила поддерживаетъ дѣятельность природы или даже, что она вообще существуетъ, если мы никогда не видимъ ни малѣйшаго признака ея присутствія или дѣйствія. Въ явленіяхъ духа или вещества никогда не замѣчено никакой другой

силы, кромѣ естественной, то на какомъ же основаніи можно предполагать существованіе сверхъестественной силы! Фраза, что вселенная поддерживается сверхъестественною силою, несмотря на то, что эта сила никогда не вмѣшивается въ естественныя явленія, совершенно бессмысленна. Когда мы видимъ, что соединеніе кислорода и водорода производитъ воду, или замѣчаемъ, что извѣстныя ощущенія возбуждають въ насъ чувства радости, то говоримъ, что эти дѣйствія вызываются естественными свойствами химическихъ тѣлъ или психическихъ настроеній. Эти естественныя свойства или силы достаточны сами по себѣ для произведенія извѣстнаго результата; вотъ почему совершенно неумѣстно предполагать, будто, помимо и кромѣ этихъ силъ, дѣйствуетъ еще какой нибудь сверхъестественный дѣятель, который по своей волѣ заставляетъ ихъ дѣйствовать. Воображать себѣ существованіе такой лишней, добавочной силы, которая вовсе не обнаруживается въ совершающихся передъ нами явленіяхъ, значить отречься отъ здраваго смысла и истинной философіи.

Но ученіе о вторичныхъ причинахъ, кромѣ того, что признаетъ существованіе этой отрицательной, поддерживающей силы, утверждаетъ еще, что сверхъестественный дѣятель участвовалъ въ сотвореніи растительнаго и животнаго царства. Здѣсь онъ дѣйствовалъ уже не просто, какъ сила поддерживающая законы, неизмѣнно установленные, но непосредственно, давая веществу новое направленіе и новыя формы, которыя безъ его помощи оно не могло бы принять. Но, очевидно, что ученіе о сверхъестественномъ вмѣшателствѣ не можетъ быть принято теперь, при современномъ состояніи науки. Теперь нельзя уже воображать, что развитіе и ростъ даже самаго высшаго животнаго, даже самыхъ сложныхъ нашихъ органовъ совершается въ силу какихъ то сверхъестественныхъ причинъ. Ни одному физиологу не придетъ теперь въ голову безумная мысль объяснять какое нибудь жизненное явленіе иначе, какъ естественными причинами. Кто вздумалъ бы приписывать развитіе какого нибудь органа еще не вполне изслѣдованнаго, непосредственной дѣятельности сверхъестественной силы, тотъ считался бы сумасшедшимъ.

На какомъ же разумномъ основаніи можно, послѣ этого, утверждать, что какая то сверхъестественная сила дѣйствовала при сотвореніи живыхъ организмовъ! Естественное состояніе, которое приводится еще, заключается въ томъ, что для насъ будто непонятно, какимъ образомъ такіе чудные организмы могли первоначально возникнуть подъ вліяніемъ естественныхъ силъ. Но кто предполагаетъ, что есть границы могуществу природы, тотъ мало вѣритъ въ нее. Чего не можетъ сдѣлать природа? Кто изучалъ развитіе и ростъ живого организма, кто размышлялъ о чудесныхъ и поразительныхъ явленіяхъ, наблюдаемыхъ при этомъ, тотъ не допуститъ мысли объ ограниченномъ могществѣ природы. Человѣческое существо зарождается въ такой ничтожной клѣточкѣ, которую нельзя примѣтить неворуженнымъ глазомъ. Въ этой клѣточкѣ,

какъ въ колыбели, покоятся силы и нашего духа и тѣла; эти самыя силы, естественность которыхъ никто не рѣшался отрицать, даютъ развитіе всему нашему организму и доводятъ его до извѣстной степени физическаго и умственнаго совершенства. Такимъ образомъ въ сущности мы сами себя творимъ, потому что представлять себя, будто какая нибудь внѣшняя сверхъестественная сила хоть сколько нибудь помогаетъ нашему развитію—значитъ лишаться разсудка. Кто обратитъ только вниманіе на сосредоточеніе природныхъ силъ въ этой первичной маленькой клѣточкѣ и на то, какъ развивается дѣятельность этихъ силъ физическихъ и психическихъ, которыя дѣйствуютъ взаимно другъ на друга, тотъ замѣтитъ съ изумленіемъ, до какой степени разнообразно и бесконечно дѣйствіе природы. Что можетъ быть чудеснѣе этого дѣйствія! Могли ли мы когда нибудь прежде думать, что въ насъ, какъ части природы, существуютъ такія силы? На какомъ же основаніи вѣрить, что природа, которая безъ посторонней помощи можетъ развиваться въ насъ, не могла и въ самомъ началѣ, также безъ всякой помощи, сама создать различныя формы растительной и животной жизни? Она, природа, которую мы всегда видимъ на дѣлѣ, она, какъ мать, наша собственная внутренняя сущность, которая заключаетъ въ себя такія бесконечно-разнообразныя силы, какія невообразимы для ума, — почему не можетъ она удовлетворить нашихъ стремленій къ бесконечному и почему рѣшились мы нанести ей такое безчестіе, что замѣнили ее другою бессмысленною, сверхъестественною силою? Почему заподозрили мы ее въ безсиліи?

Чѣмъ болѣе мы размышляемъ, чѣмъ болѣе мы изучаемъ развитіе и послѣдовательную преемственность на землѣ одушевленныхъ веществъ, тѣмъ глубже укореняется въ насъ убѣжденіе въ томъ, что всѣ эти чудесныя явленія завязать вполне и абсолютно отъ естественныхъ силъ и что сверхъестественный дѣятель не участвовалъ въ созданіи точно также, какъ не участвуетъ и въ развитіи жизни. Мы приходимъ неизбежно къ такому заключенію. Въ исторіи развитія живыхъ существъ, растений и животныхъ, мы видимъ тѣ же чудные признаки постоянной вѣрности опредѣленному плану и абсолютнаго повиновенія неизмѣннымъ и опредѣленнымъ законамъ, какіе находимъ вездѣ въ природѣ. Многіе изъ этихъ законовъ органическаго строенія уже открыты; таковъ законъ неизмѣннаго развитія частнаго, болѣе специализированнаго изъ болѣе общаго; таковъ законъ единства типа и отправленій и пр. Одни только изслѣдованія подобнаго рода, а не пресловутое благочестіе, которое восхищается своимъ создателемъ, могутъ дать намъ вѣрное и возвышенное понятіе о чудномъ началѣ жизни. Чѣмъ глубже человѣкъ изучаетъ эти явленія, тѣмъ сильнѣе убѣждается въ существованіи естественной связи между всѣми живыми существами. Уже Кювье задавалъ вопросъ: „Почему и органическая жизнь не будетъ имѣть когда нибудь своего ньютона?“ А между тѣмъ! всѣ попытки объяснить начало жизни дѣйствіемъ естественныхъ силъ и придать этому объ-

ясненію научный видъ, какъ это сдѣлано для астрономіи; геологіи, фізіологіи и проч., считаются просто богохульствомъ. Но такія попытки напротивъ того, заслуживаютъ одобренія, вотъ почему автору „Слѣдовъ естественной исторіи творенія“, особенно Дарвину, мы обязаны глубочайшею благодарностью за ихъ старанія доказать, какимъ образомъ жизнь могла возникнуть, а живыя существа постепенно совершенствоваться безъ всякаго сверхъестественнаго вмѣшательства. Мы можемъ быть совершенно увѣрены въ томъ, что такъ было, хотя можетъ быть потребуются цѣлыя столѣтія самыхъ прилежныхъ изслѣдованій, чтобы сказать какимъ именно образомъ это совершалось. Идея сверхъестественнаго вмѣшательства парализуетъ всякую науку. Если мы не имѣемъ дѣла съ естественными явленіями, то всѣ наши разсужденія будутъ вздорны. Предвзятая вѣра въ такого рода вмѣшательство всегда содѣйствовала успокоенію умовъ такими объясненіями, которыя ничего не объясняютъ, и всегда мѣшала развитію основательнаго изслѣдованія. Такіе люди какъ Оуэнь, Окенъ, Гете, Кювье, Дарвинъ²— настоящіе Галилеи въ наукѣ органической жизни. Результаты ихъ открытій также неизбѣжно изгоняютъ изъ этой области знанія идею сверхъестественнаго вмѣшательства, какъ изгнали ее изслѣдованія Галилея изъ науки о движеніи небесныхъ сферъ. Всѣ мы почувствуемъ, кому обязаны благодарностью, и какіе изслѣдователи привели насъ къ достойному сознанію смысла нашей жизни.

Такимъ образомъ приходится окончательно убѣдиться въ томъ, что жизнь началась также абсолютно независимо отъ сверхъестественнаго вмѣшательства, какъ независимо отъ него она развилась и продолжалась по сіе время. Мы не видимъ теперь ничего похожего на то, что могло быть при началѣ жизни; всѣ живыя существа происходятъ (или, по крайней мѣрѣ, намъ кажется, что онѣ происходятъ) отъ подобныхъ имъ родителей. Это обстоятельство и составляетъ всю трудность рѣшенія задачи. Но еще труднѣе объяснить себѣ необходимость сверхъестественнаго вмѣшательства, которое никогда не было замѣчено. — Въ настоящее время мы не можемъ отыскать даже и признака такого вмѣшательства; если бы народныя преданія не сохранили вымышленныхъ примѣровъ такого вмѣшательства, то намъ никогда не вздумалось бы прибѣгать къ подобнаго рода объясненіямъ. Вопросъ состоитъ именно въ томъ, что болѣе вѣроятно: то ли, что сверхъестественная сила дѣйствовала когда нибудь, чего не допускаетъ современное знаніе и считаетъ такое заблужденіе крайне вреднымъ для развитія человѣчества, или то, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы не оцѣнили могущества природы и захотѣли ограничить ея дѣятельность. Мы не можемъ понять, какимъ образомъ природа безъ посторонней помощи могла дать начало жизни, а потому рѣшаемся догматически утверждать, что она не могла этого сдѣлать. Знаемъ ли мы, что она можетъ и чего не можетъ? Каждый безпристрастный мыслитель долженъ сознаться въ

своемъ невѣдѣніи этого предмета и прежде, чѣмъ судить о немъ, обязанъ изучать силы природы. Какое значеніе въ такомъ трудномъ вопросѣ могутъ имѣть сужденія людей, которые такъ мало знаютъ истину, что не видятъ даже неизмѣнности законовъ, дѣйствующихъ въ окружающей насъ природѣ? Эти люди не замѣчаютъ, что законы временъ года, здоровья и болѣзни, тѣла и духа такъ же точны, какъ и законы химіи? Эти люди просятъ сверхъестественнаго вмѣшательства для ниспосланія хорошей погоды, хотя признаются, что безумно умолять о подобной помощи для постройки дома или очистки города отъ нечистотъ. А между тѣмъ на эти заблужденія смотрятъ, какъ на выраженіе набожности, и всякаго, кто доказываетъ вредъ подобныхъ заблужденій, считаютъ врагомъ челоѣчества. О, мать Природа, твоя религія совсѣмъ иная. Ты возбуждаешь умственную дѣятельность, вызываешь изслѣдованія, а не подавляешь ихъ. Твоя великая книга всегда открыта для всѣхъ людей, всѣхъ вѣковъ и странъ! Въ твоихъ могучихъ объятіяхъ неразрывно заключены всѣ твои созданія, какъ части самой тебя и какъ участники твоего безконечнаго величія! Ты всегда идешь впередъ, развивая безконечныя міры и самыя разнообразныя формы, которыя связаны твоимъ собственнымъ, совершеннымъ способомъ въ одно стройное цѣлое, въ одинъ предметъ изслѣдованія обожанія для всѣхъ грядущихъ поколѣній!

Остается сдѣлать только одинъ шагъ, чтобы отъ сознанія естественнаго хода явленій дойти до убѣжденія въ томъ, что и начало жизни, непонятное еще для насъ, совершалось также совершенно естественнымъ путемъ. Точно также, слѣдуя по этому пути, придется окончательно устранить идею сверхъестественнаго вмѣшательства въ первоначальное происхожденіе вещества. Впрочемъ, вообразить безконечность матеріи такъ же нетрудно, какъ представить себѣ естественное происхожденіе жизни. Мы видимъ, что матерія существуетъ совершенно независимо; она имѣетъ свои собственные, неизмѣнные законы бытія и дѣйствія. Изучая ее ближе, мы находимъ, что она абсолютно неразрушима и безконечна. Если въ этомъ отношеніи мы будемъ слѣдовать единственно истинному руководящему началу всякаго изслѣдованія, т. е. станемъ разсуждать о видимомъ и на основаніи его судить о невидимомъ, то должны будемъ заключить, что матерія безконечна и каждая частица ея существовала и будетъ существовать вѣчно. Кромѣ слѣпой вѣры въ „авторитетъ“, ничто другое не можетъ заставить насъ разсуждать иначе. Съ другой стороны, предположеніе, что духъ сотворилъ матерію, совершенно неосновательно и бездоказательно. Для такой гипотезы нельзя найти ни малѣйшей аналогіи. Она возникла въ ту эпоху, когда разумъ челоѣческой былъ еще въ дѣтствѣ, когда связь между мозгомъ и умомъ была неизвѣстна и когда всякая новая форма, какую давалъ челоѣкъ веществу, называлась словомъ „твореніе“. Теперь мы знаемъ, что ни-

какого творенія, въ собственномъ смыслѣ слова, никогда не бываетъ, что ни одинъ новый элементъ не создается какою нибудь постороннею силою и что законы одной части природы не измѣняются въ угоду другой ея части.

На какомъ основаніи рѣшаемся мы утверждать, что духъ безконечнѣ, возвышеннѣ или могущественнѣ матеріи, что онъ можетъ творить ее, давать ей законы и подчинять ее своему произволу? Увы! родъ человѣческой уже дорого заплатилъ и теперь еще платитъ за эту громадную несправедливость относительно великой составной части нашего существа. Неужели легче вообразить безконечность духа, чѣмъ матеріи? Нисколько! Если мы не имѣемъ никакого основанія отрицать безконечности матеріи, а напротивъ того должны признавать ее, то съ другой стороны ничто не позволяетъ намъ предполагать, что духъ также безконеченъ. Духъ есть живая сущность, а все живое, по самымъ первымъ условіямъ своего существованія, подлежитъ измѣненію и, слѣдовательно,—смерти. Духъ абсолютно неотдѣлимъ отъ переходящихъ формъ вещества, а потому и самъ есть нѣчто переходящее. Онъ вовсе не сила, чуждая остальной природѣ, но вполне естественная сила, нераздѣльно и взаимно соединенная съ остальными.

Кто изучалъ развитіе и успѣхи физиологін, тотъ не могъ не изумиться при видѣ безчисленныхъ случаевъ, когда тѣ явленія, которыя прежде обыкновенно считались чисто жизненными, а слѣдовательно непохожими на физическія и для насъ непонятными, постепенно оказывались чисто физическими. Такъ, напримѣръ, о процессѣ пищеваренія долго думали, что онъ—чисто жизненный процессъ, между тѣмъ какъ теперь всѣ согласны, что онъ—физическій, совершающійся по законамъ химіи, теплоты и проч. Такимъ образомъ и существенная часть дыханія, т. е. принятіе организмомъ кислорода, угольной кислоты, совершается по чисто-физическимъ законамъ диффузіи газовъ и проч. Развитіе животной теплоты происходитъ вслѣдствіе химическаго соединенія кислорода съ углеродомъ во всемъ организмѣ и представляетъ точно такой же физическій процессъ, какъ и горѣніе въ печкѣ. Можно было бы привести много и другихъ примѣровъ, но и этихъ вполне достаточно для доказательства того, что физиологія стремится во всѣхъ направленіяхъ изгонять изъ понятія объ организмѣ прежнюю неопредѣленную идею какого-то независимаго жизненнаго начала и постепенно, болѣе и болѣе подставлять на его мѣсто понятные физическіе законы. На основаніи того, что прежде было уже сдѣлано въ этомъ направленіи и тѣхъ выводовъ, которые мы можемъ дѣлать, кажется въ высшей степени вѣроятно, что всѣ жизненные явленія въ дѣйствительности вызываются физическими силами, дѣйствующими при извѣстныхъ новыхъ условіяхъ. Кто убѣжденъ въ естественномъ происхожденіи жизни, тотъ придетъ также къ этому заключенію на основаніи выводовъ а priori. Если происхожденіе жизни зависѣло несомнѣнно отъ дѣйствія естествен-

ныхъ физическихъ силъ, то всё такъ называемыя жизненныя силы должны были произойти отъ силъ физическихъ путемъ обнаруженія и развитія тѣхъ свойствъ, которыя присущи веществу, но находились въ скрытомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не были вызваны къ дѣятельности благоприятными обстоятельствами.

Достоверно извѣстно, что въ нашемъ организмѣ всякое малѣйшее движеніе мышечнаго волокна, всякая мысль и всякое ощущеніе неизбѣжно сопровождается химическими, механическими и другими физическими измѣненіями. Какая же связь существуетъ между этими химическими и механическими измѣненіями, съ одной стороны, и мыслию и чувствомъ съ другой? Легко клеймить названіемъ матеріализма всё такія изслѣдованія о связи духа и вещества, какъ изслѣдованія Либиха, Майера и другихъ, и довольствоваться объясненіями, которыя ничего не объясняютъ, какъ старое ученіе о жизненномъ началѣ. Можно ли унижать душу, если сравнить ее съ матеріею? Можно ли предполагать, что въ умственномъ явленіи есть что нибудь болѣе возвышенное и удивительное, чѣмъ въ обыкновенномъ и неуловимомъ химическомъ измѣненіи, которое сопровождаетъ это явленіе? Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ предвзятыхъ идеяхъ существовало постоянное стремленіе унижать матерію; но это доказываетъ только, что для большинства людей еще сокрыта настоящая красота природы, что они не видятъ чудесъ и величія вещественнаго міра. Они не хотятъ смотрѣть на природу такъ, какъ сама она является предъ нами съ чудесною естественною гармоніею элементовъ; они предпочитаютъ мысленно строить себѣ воображаемый и исковерканный образъ ея. Неужели эти непостижимыя химическія дѣйствія, эта чудная утонченность и напряженность физическихъ силъ, которыя рабстаютъ въ мозгу—только ничтожный и презрѣнный рядъ явленій, не стоющій нашихъ возвышенныхъ помысловъ и недостойный сравненія съ проявленіями духа! Кто глубоко проникнуть физической религіею, тотъ не можетъ, конечно, дѣлать такихъ вздорныхъ и ложныхъ сравненій. Для него матеріальный міръ одинаково съ умственнымъ заслуживаетъ вниманія и изученія. Онъ съ восхищеніемъ сознаетъ ту достоверную истину, что существуетъ неразрывная связь и единство физическихъ и умственныхъ явленій. Онъ не станетъ утверждать голословно, что запутанная задача разрѣшена или что глубокое чувство любви и преданности проявилось только въ силу извѣстныхъ умственныхъ процессовъ, а скажетъ вѣрнѣе, что это совершилось вслѣдствіе нѣкоторыхъ химическихъ дѣйствій, о которыхъ мы не имѣемъ еще точнаго понятія. Обыкновенное выраженіе, что животныя и растительныя вещества, которыми мы питаемся, „поддерживаютъ жизнь“,—совершенно ошибочно. На самомъ дѣлѣ, эти вещества становятся жизнью; другими словами—онѣ превращаются въ насъ самихъ, а присутствіе имъ жизненныя свойства вызываются къ дѣятельности.

Все побуждаетъ насъ вѣрить, что химическія, механическія и

другія дѣйствующія физическія силы неотдѣлимы отъ умственныхъ явленій. Мы принуждены также думать, что если эти силы проявляются въ дѣятельности мозга, то онѣ одарены самосознаніемъ. Вещество въ формѣ мускула можетъ сокращаться, а въ формѣ живой, нервной субстанции можетъ думать. Какимъ-то таинственнымъ образомъ мысль соединена съ фосфоромъ и является такъ или иначе напряженіемъ и развитіемъ свойствъ естественно-присущихъ этому веществу и другимъ составнымъ частямъ мозга но какъ это происходитъ—до сихъ поръ еще совершенно неизвѣстно. Разсуждая, мы отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что если каждый умственный процессъ, какъ и всякій другой актъ жизни, сопровождается химическимъ дѣйствіемъ, то и всякая переменна въ умственномъ состояніи должна совершаться соотвѣтственнымъ измѣненіемъ этихъ химическихъ дѣйствій. Различіе между радостью и отчаяніемъ опредѣляется различнымъ состояніемъ химическихъ измѣненій, которыя ихъ сопровождаютъ. Мысль или ощущение выражаютъ только значеніе, смыслъ химическихъ измѣненій. Если мы радуемся—значить, что химическія измѣненія, совершающіяся въ мозгу, легки и свойственны условіямъ жизни и нашего здоровья. Если же мы горюемъ, то химическія измѣненія трудны и противны этимъ условіямъ. Безконечное разнообразіе мыслей и ощущеній представляетъ сознательное выраженіе такой же безконечности процессовъ органической химіи, которыя въ насъ совершаются. Мнѣ кажется, что эти разсужденія—простѣйшіе выводы изъ того, что мы знаемъ о физиологій нервной дѣятельности; онѣ кажутся странными только потому, что мы по привычкѣ признаемъ спиритуалистическія воззрѣнія выше естественныхъ.

Изучая исторію образованія земли, мы придемъ къ убѣжденію въ томъ, что матерія существовала за долго до духа, или, другими словами, что простѣйшія химическія соединенія дѣйствовали за долго до соединенія болѣе сложныхъ, которыя происходили сравнительно недавно. Развитие духа—позднѣйшее проявленіе естественныхъ силъ. Слѣдуя по истинному пути наведенія, мы придемъ снова къ тому заключенію, что наша безконечно-сложная субстанція могла явиться только результатомъ цѣлой міриады вѣковъ развитія. Оглядываясь назадъ, на безконечные факты, открываемые геологіею, мы видимъ, до какой степени медленно развиваетъ природа это самое чудесное изъ всѣхъ своихъ произведеній. Только цѣлымъ рядомъ развитія растений, жизнь которыхъ чисто-творческая, закладываетъ основаніе для развитія ума, которое является разрушительнымъ. Въ цѣпи живыхъ существъ умственная дѣятельность постепенно развивается такъ медленно, что для нея, вѣроятно, требуются милліоны вѣковъ, пока она достигаетъ, наконецъ, значенія человѣческаго. Мы можемъ убѣдиться въ томъ, что эти чудныя и безконечно-продолжительныя усилія не пропадали даромъ и что безъ этой необыкновенно медленной выработки нашъ умъ не могъ бы развиваться и дать намъ самосознаніе. Принципъ прогресса, повидимому,

прирожденъ природѣ: дѣлать изъ самой сложной субстанціи начало всѣхъ вещей—значить совершенно противорѣчить естественному ходу вещей.

Сверхъестественное, въ какомъ бы то ни было видѣ или образѣ, абсолютно непонятно для человѣческаго ума; всякая попытка постигнуть его приводила къ нелѣпости и противорѣчію. Мыслящее начало безъ мозга, духъ безъ матеріи, жизнь безъ измѣненій, безъ начала или конца, личность, неограниченная въ пространствѣ или въ познавательной способности, не знающая ни радости, ни печали, а между тѣмъ исполненная любви, милосердія и нѣжности,—короче сказать, всевозможныя естественныя свойства, которыя придавались сверхъестественному существу, были противорѣчивы и отрицательны. Для насъ абсолютно невозможно составить себѣ даже малѣйшее представленіе о сверхъестественномъ существѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы можемъ представить себѣ что нибудь внѣ природы; для насъ возможно составить только смѣсь естественныхъ, но противоположныхъ войствъ.

Такимъ образомъ все приводитъ насъ къ глубокому и искреннему убѣжденію, что природа—все, что ни выше, ни ниже ея, ни на ряду съ нею нѣтъ ничего, и что мы должны питать къ ней одной тѣ чувства, которыя до сихъ поръ питали къ сверхъестественному. Эта великая истина лежитъ въ основаніи современнаго мышленія и, вмѣстѣ съ закономъ народонаселенія, въ сравненіи съ которымъ все другое ничтожно, составляетъ важнѣйшій изъ всѣхъ выводовъ, до которыхъ когда нибудь доходилъ родъ человѣческій. Правда, что теперь она не исполнѣ и не ясно сознается; но подобно зарѣ новаго дня, она начинаетъ свѣтити надъ міромъ и каждое новое открытіе законовъ природы все глубже и глубже укореняетъ въ насъ эту истину. Она—основа Естественной Религіи, той могучей вѣры, которая рано или поздно соединитъ всю еемью человѣческую; предъ нею исчезнуть и скептицизмъ и различія вѣроисповѣданій. Кто разъ ясно увидѣлъ непроходимую пропасть, отдѣляющую естественное отъ сверхъестественнаго, и безконечно высшее значеніе перваго, тотъ навсегда почувствуетъ къ природѣ глубокое уваженіе и безусловное, непоколебимое довѣріе. Такая истина всемогуща и можетъ объяснить все. Кто вѣритъ въ нее, тотъ никогда не будетъ обманутъ. Между тѣмъ даже лучшіе изъ насъ еще очень невѣжественны и слабы; мы не понимаемъ еще, что одна только природа можетъ утѣшить, укрѣпить и научить насъ. Жизнь многихъ изъ насъ можетъ казаться безнадежною загадкой; многіе изъ насъ страдаютъ отъ разочарованія, нищеты, болѣзни или униженія; обратимся къ природѣ, которая одна намъ можетъ объяснить смыслъ существованія и доказать свою равную и безпристрастную любовь ко всѣмъ.

Естественная религія—вотъ единственное и вѣрное религиозное вѣрованіе, которое когда либо существовало. Эта новая вѣра отличается отъ всѣхъ разнообразныхъ формъ супернатурализма гораздо рѣзче, чѣмъ всѣ эти формы другъ отъ друга. Прогрессъ религиознаго вѣрованія

состоялъ въ томъ, что вліяніе сверхъестественнаго все болѣе и болѣе ограничивалось успѣхами науки. Религія, допускающая менѣе всего непосредственное вмѣшательство сверхъестественной воли, считается теперь лучшею. Но даже и малѣйшая тѣнь представленія о сверхъестественномъ нарушаетъ уже гармонію природы, неизбежно примѣшивается ко всѣмъ нашимъ воззрѣніямъ на жизнь и безусловно несовмѣстима съ Естественною Религіей. Въ этой послѣдней основной догматъ вѣры состоитъ въ томъ, что нѣтъ, никогда не было и не можетъ быть ничего, стоящаго внѣ природы; ничего такого, что не было бы само частью великаго цѣлаго, которая, подобно всѣмъ другимъ его частямъ, подчиняется естественнымъ законамъ, сама дѣйствуетъ и получаетъ дѣйствіе отъ другихъ частей. Главная цѣль нашей жизни состоитъ въ изученіи законовъ природы и въ томъ, чтобы жить сообразно съ этими законами.

Вотъ великая истина, которая направляетъ современное мышленіе и широко распространяется въ большей части образованнаго міра. Она составляетъ руководящую идею большинства мыслителей въ Европѣ. Въ разныхъ видахъ и подъ разными названіями эта истина выражается въ германскомъ рационализмѣ, въ англійскомъ секуляризмѣ, во французскомъ вольтеріанствѣ и въ ученіи другихъ сектъ, которыя отличаются другъ отъ друга только незначительными оттѣнками и движутся въ одномъ и томъ же направленіи, чтобы окончательно слиться въ одно цѣлое. Эту самую истину клеймятъ названіемъ атеизма, а ея послѣдователей считаютъ за невѣрныхъ тѣ защитники сверхъестественныхъ вѣрованій, которые забываютъ, что здѣсь вопросъ состоитъ вовсе не въ томъ—имѣетъ ли человекъ глубокія и твердыя религіозныя вѣрованія, а въ томъ—вѣрить ли онъ въ сверхъестественную религію или въ природу. Кто вѣритъ въ сверхъестественное, тотъ отрицаетъ могущество природы и не признаетъ ея верховной власти. Но естественная религія, съ другой стороны, утверждаетъ эту власть. Не станемъ сами себя обманывать; мы не можемъ служить двумъ господамъ. Вѣра въ Бога есть невѣріе въ Природу.

Менѣе всего можно называть „невѣрною“ естественную религію. Кто убѣжденъ въ ея истинномъ значеніи, тотъ съ благороднымъ негодованіемъ отвергаетъ такое названіе самой возвышенной вѣры, какая только когда нибудь была извѣстна. Основы этой вѣры широки и глубоки, какъ сама природа, и поколебать ихъ невозможно. Лишь только человечество обратится въ эту вѣру—религіозный скептицизмъ исчезнетъ.

Въ высшей степени важно, чтобы естественная религія распространилась шире и не въ одной только части свѣта, а на всемъ земномъ шарѣ; такое всемірное распространеніе новой вѣры болѣе всего станетъ содѣйствовать сближенію людей и пробужденію въ нихъ чувства братства и единомыслія. Ничто въ настоящее время такъ сильно не разъединяетъ людей, какъ различіе въ формахъ вѣры въ сверхъестественное: люди всѣхъ странъ не примирятся до тѣхъ поръ, пока всѣ эти различныя

формы вѣрованій не исчезнуть, уступивъ мѣсто одной великой естественной религіи, непогрѣшимость которой должны признать всѣ люди, потому что природа вездѣ одна и та же.

Но эта цѣль, кажется, еще не скоро, очень не скоро осуществится, потому что естественная религія находится еще въ младенчествѣ, а различныя формы вѣры въ сверхъестественное продолжаютъ господствовать во всѣхъ странахъ. Впрочемъ, господство ихъ болѣе номинально, чѣмъ дѣйствительно, потому что ихъ власть надъ болѣе образованными націями уже очень сильно поколеблена. Нельзя сказать, чтобы во Франціи и въ Германіи христіанская религія пользовалась всеобщимъ господствомъ; въ этихъ странахъ рѣдко можно встрѣтить образованнаго человѣка, по крайней мѣрѣ между свѣтскими людьми, который вѣрилъ бы въ нее. Какъ общее правило, можно сказать, что во всей Европѣ христіанскія вѣрованія сохранили господство только надъ менѣе образованными классами, у которыхъ они приняли форму грубаго суевѣрія. Въ Англии число людей, не вѣрящихъ въ христіанство весьма велико и постоянно возрастаетъ. Я думаю, что большинство ремесленниковъ и рабочихъ нашихъ большихъ городовъ принадлежить къ числу невѣрующихъ. Также и весьма значительная часть образованныхъ классовъ, особенно люди, принадлежащіе къ новому поколѣнію, сомнѣваются въ христіанствѣ или совсѣмъ не вѣрятъ въ него. Многие изъ нашихъ лучшихъ писателей и мыслителей настоящаго времени находятся въ прямомъ разладѣ съ христіанскимъ ученіемъ; между ними мало найдется такихъ, которыхъ можно было бы назвать вѣрующими.

Въ различныхъ классахъ общества большинство людей отрицаетъ авторитетъ библіи и допускаетъ только болѣе или менѣе ограниченное вмѣшательство сверхъестественнаго. Одни признаютъ существованіе вышшаго существа и сверхъестественной жизни человѣка по окончаніи естественной; другіе отрицаютъ все это и не вѣрятъ ни во что, кромѣ природы. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что всѣ придутъ окончательно къ тому заключенію, что идея о сверхъестественномъ должна быть совершенно изгнана; человѣкъ можетъ удовлетвориться только чисто естественною религіею. Всѣ мы живемъ въ природѣ и не можемъ стать выше ея или отказаться отъ нея; это было бы противорѣчіемъ, несообразностью и несчастіемъ.

Хотя и существуетъ нѣкоторое разногласіе въ мнѣніяхъ тѣхъ, кто отрицаетъ христіанскія вѣрованія, но всѣ онѣ согласны съ тою великою истиною, что мы должны искать источникъ нашихъ религіозныхъ убѣжденій въ самихъ себѣ и въ развитіи знаній, а не въ какомъ нибудь авторитетѣ прошедшихъ временъ. Каждый долженъ самъ для себя составить собственныя мнѣнія о значеніи и конечной цѣли жизни. Эти принципы нравственнаго поведенія и всякія возрѣванія на смерть, какія только предлагаются, должны быть оправданы нравственнымъ чувствомъ и разумомъ каждаго отдѣльнаго человѣка, а не тради-

ваться намъ насильно, какъ догматы слѣпой вѣры, основанныя на обѣщаніи безконечныхъ наградъ или безконечныхъ мученій. Такія обѣщанія и угрозы извращаютъ нравственный смыслъ и унижаютъ достоинство человѣка.

Многіе изъ тѣхъ, кто сомнѣвается въ сверхъестественной религіи или не вѣрять въ нее, не могутъ публично выражать своихъ мнѣній, вслѣдствіе нетерпимости, съ какою судятъ эти мнѣнія. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Ричардъ Карлейль, Голюкъ и другіе (благородныя усилія и самоотверженіе которыхъ въ пользу дѣла естественной религіи будутъ признаны всѣми), были брошены въ тюрьмы за то, что они открыто выражали свое невѣріе въ общепринятую сверхъестественную вѣру. Ричардъ Карлейль просидѣлъ въ тюрьмѣ, въ общей сложности, болѣе десяти лѣтъ и, наконецъ, добился для насъ двухъ неоцѣненныхъ благъ: свободы печати и свободы словеснаго обсуждения. Многіе изъ насъ такъ зависятъ въ смыслѣ средствъ къ существованію отъ доброжелательства другихъ и такъ запуганы общественнымъ мнѣніемъ, что самыя дорогія убѣжденія часто подавляются; вотъ почему очень трудно опредѣлить число тѣхъ, которые отказались отъ христіанской вѣры. Въ Англіи религіозная нетерпимость, вмѣстѣ съ половой, развита сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Оба эти чувства составляютъ причину множества несчастій и уничтожаютъ ту искреннюю симпатію и взаимное уваженіе, которое должно существовать между людьми. Одно изъ самыхъ первыхъ началъ религіи состоитъ въ томъ, что мы должны почитать и любить своихъ ближнихъ и съ уваженіемъ выслушивать всѣ ихъ добросовѣстные мнѣнія, какъ бы недостаточно основательны онѣ намъ ни казались.

Вотъ почему надо всѣми силами стремиться къ тому, чтобы вывести естественную религію и ея приверженцевъ изъ теперешняго унижительнаго положенія и дать возможность каждому, кто признаетъ эти вѣрованія, открыто исповѣдывать ихъ, защищать и распространять, не опасаясь пострадать отъ нетерпимости своихъ ближнихъ. Поклонники природы должны требовать, чтобы ихъ вѣра была признана обществомъ наравнѣ съ другими формами сверхъестественной религіи, т. е. какъ добросовѣстные убѣжденія обширнаго класса людей, которые имѣютъ право занимать почетное мѣсто въ ряду своихъ ближнихъ. Въ настоящее время естественная религія не требуетъ ничего, кромѣ права опредѣлять и разъяснять свои принципы и соединять людей; она должна быть признана законною и требуетъ защиты послѣдователей своихъ отъ угнетенія или религіозной нетерпимости. Католикъ не скрываетъ своихъ религіозныхъ убѣжденій въ протестантской Англіи. Не скрываетъ своей вѣры и еврей, и реформистъ; хотя ихъ мнѣнія и не одобряются, однако же выслушиваются, а не преслѣдуются. Послѣдователи естественной религіи не должны успокоиться до тѣхъ поръ, пока ихъ положеніе не будетъ обезпечено и они не получаютъ возможности открыто и смѣло высказывать свои заветныя убѣжденія. Что же касается до названія, которымъ должны отличаться эти воззрѣнія, то и

предлагаю опредѣлить ихъ словами: „Естественная Религія“. Есть что-то холодное и непривлекательное въ словахъ „Раціонализм“, „Секуляризм“, которыя, кромѣ того, и не выражаютъ, какъ мнѣ кажется, всего значенія такого вѣрованія. Название—„Естественная Религія“—указываетъ на его истинное основаніе, т. е. на Природу, только на одну Природу, и рѣзко отдѣляетъ ее отъ всѣхъ различныхъ формъ сверхъ естественной вѣры. Кромѣ того, слово „Религія“ дорого всѣмъ намъ по воспоминанію, потому что [оно [возбуждало самыя благородныя чувства и освящено добродѣтелями, благочестивою жизнью и героическою смертію многихъ изъ самыхъ прославленныхъ личностей въ исторіи человѣчества. Это слово наполняло сердца людей тою героическою преданностью, которая побуждаетъ переносить всѣ испытанія, всѣ лишения съ цѣлью совершить то, что совѣсть признаетъ справедливымъ. По этому слову люди шли въ пустыни для обращенія язычниковъ, и на явную смерть и въ вертепы преступленія и заразы, чтобы помогать своимъ страждущимъ братьямъ и утѣшать ихъ. О, пусть же это слово и всѣ искреннія, любящія чувства, которыя оно вызываетъ, пробудится въ сердцахъ нашихъ и пусть послѣдователи естественной религіи воодушевятся энтузіазмомъ. Слово „естественная религія“ выражаетъ, что ея стремленія и цѣли составляютъ только продолженіе религіознаго прогресса человѣчества, того прогресса, который совершался съ начала исторіи. Оно совмѣщаетъ въ себѣ всѣ лучшіе идеалы Истины, Добра и Прекраснаго и то преданное, энтузіастическое чувство долга, которое побуждаетъ человѣка стремиться къ этимъ идеаламъ и защищать ихъ, несмотря ни на какія опасности, ни на какія пожертвованія.

При всемъ различіи мнѣній о цѣляхъ, которыя должна имѣть человѣческая жизнь, намъ не слѣдуетъ впадать въ то роковое заблужденіе, которое неизбѣжно въ сверхъестественной религіи и заставляетъ видѣть причину золь въ ослѣпленіи или испорченности людей, а не въ ошибочности и безсиліи разныхъ системъ, придуманныхъ для уничтоженія этихъ золь. Доказательство истины всякой системы состоитъ въ томъ, что она предупреждаетъ или стремится только устранить ихъ. Медикъ доказываетъ свое знаніе или искусство только въ томъ случаѣ, когда возвращаетъ здоровье больному. До тѣхъ поръ, пока бѣдствія не уничтожатся, въ сущности ничего не сдѣлано.

Если мы потребуемъ доказательствъ истины отъ какой бы то ни было системы, желающей развитія добра и счастья, то увидимъ, къ сожалѣнію, что до сихъ поръ всевозможныя системы были химерами. По сіе время ни одна „спасительная вѣра“, ни одна религіозная или нравственная система не могли устоять въ борьбѣ со зломъ и горемъ, подавляющимъ человѣчество. Упорство, съ какимъ такъ долго разныя религіозныя системы признавались панацеями, а всѣ бѣдствія считались слѣдствіемъ испорченности человѣчества, является самою возмутительною насмѣшкою надъ нашимъ родомъ.

Мальтусъ былъ протестантскій попь: но своимъ открытiемъ принципа населенiя онъ безсознательно нанесъ своей религiи самый роковой ударъ. Показавъ коренной антагонизмъ между нищетой и любовью, онъ обнаружилъ 'дѣйствительный источникъ человѣческихъ страданiй и внесъ новый догматъ — воздержанiе отъ воспроизведенiя — въ число человѣческихъ обязанностей. Этотъ догматъ былъ опущенъ во всѣхъ предшествовавшихъ системахъ, въ томъ числѣ и въ христіанской; но онъ имѣетъ такое важное значенiе, что безъ него всѣ прочiя добродѣтели совершенно призрчны. Вслѣдствiе незнанiя закона населенiя и обязанности ограниченного размноженiя, христіанское ученiе ложно въ своей основѣ, какъ и всякая теорiя добродѣтели или прогресса. Отъ незнанiя или непризнанiя этой обязанности, всѣ попы и государственные люди доказали свое безсилiе въ улучшенiи участи человѣчества.

Печальныя послѣдствiя принципа народонаселенiя были до сихъ поръ охраной христіанства и брака, потому что онъ уничтожали всѣ усилiя для прекращенiя золь и, такимъ образомъ, побуждали людей цѣпляться за религiю, проповѣдующую покорность волѣ божьей, а не вѣру въ прогрессъ. Но если, какъ я твердо вѣрю, мы предупредимъ эти печальныя послѣдствiя при помощи тѣхъ средствъ, о которыхъ я говорилъ, то это произведетъ непремѣнно переворотъ въ нашихъ религiозныхъ вѣрованiяхъ. Тогда окажется, что единственный возможный путь къ спасенiю отъ всякихъ золь состоитъ въ перемѣнѣ нашихъ половыхъ и религiозныхъ мнѣнiй. Безъ этой перемѣны прогрессъ совершенно невозможенъ.

Оглядываясь назадъ на исторiю рода человѣческаго и обращая вниманiе на дѣйствiя закона народонаселенiя (а безъ него прошедшая и настоящая исторiя является неразрѣшимою загадкою), мы видимъ, что ее можно раздѣлить на двѣ совершенно разныя эпохи необходимаго уничтоженiя. Древняя исторiя — по преимуществу эпоха положительнаго препятствiя къ возрастанiю народонаселенiя, въ видѣ войны, голода и смертности между дѣтьми. Въ эту эпоху средняя жизнь человѣка была очень коротка, какъ у всѣхъ низшихъ животныхъ; но среднее здоровье и сила тѣхъ, которые были такъ счастливы, что избѣгали необходимаго уничтоженiя, стояли на весьма высокой ступени, какъ у всѣхъ домашнихъ животныхъ. Новая исторiя — уже эпоха предупредительнаго и положительнаго препятствiя въ видѣ безбрачiя, проституцiи, нищеты и чрезмѣрной работы: Здѣсь средняя жизнь выше, вслѣдствiе преобладанiя предупредительныхъ препятствiй и увеличившейся способности производить пищу; но среднее здоровье и тѣлесная крѣпость, не взирая на продолжительность жизни, стоятъ на гораздо низшей ступени, въ силу тѣхъ же причинъ, т. е. неестественнаго безбрачiя и тяжелой, нездоровой работы. Я искренно надѣюсь и вѣрю, что будущее станетъ эпохою предупредительнаго полового соитiя, при помощи котораго только и возможно избѣжать

рокового истребления. Эта эпоха будет характеризоваться всеобщей независимостью относительно необходимых средств къ жизни и тѣмъ, что какъ средняя жизнь, такъ и среднее здоровье и сила будутъ постепенно приближаться къ естественной нормѣ.

Никто и никогда не сдѣлалъ для естественной религіи такъ много, хотя и безсознательно, какъ Мальтусъ. Его открытіе принципа населенія показало въ самомъ яркомъ свѣтѣ весь контрастъ между могуществомъ природы, съ одной стороны, и безсиліемъ человѣка и сверхъестественной воли, съ другой. Къ чему привели всѣ наши усилія противъ подавляющихъ и скрытыхъ законовъ природы? Чѣмъ заслужили наши великіе, прославленные люди то почтеніе и обожаніе, которымъ они пользуются и которое отвлекало наше вниманіе отъ природы и отъ ужаснаго положенія, въ какомъ находятся массы человѣчества? Что сдѣлали для насъ эти поэты, писатели, скульпторы, государственныя люди, ораторы, въ счастья и почетномъ положеніи которыхъ мы должны будто бы находить свое удовольствіе? Неужели слава и знаменитость ихъ должна утѣшать насъ въ нашихъ несчастіяхъ? Неужели поклоненіе имъ составляетъ долгъ для насъ, какъ человѣческаго стада? Мы просимъ хлѣба, а они подаютъ намъ камень; мы просимъ любви, а они даютъ намъ поэтическую или религіозную тѣнь ея. Поэзія, живопись, архитектура, изящная литература, ораторство, религія — все это для міра, погруженнаго въ ужасы принципа народонаселенія — то же что музыка для слуха утопающаго человѣка. Онѣ могутъ ослабить нашъ разумъ, но увы! не могутъ устранить нашихъ несчастій и заставить забыть нищету. Въ настоящее время намъ нужно обезпечить необходимыя средства къ жизни: пищу, любовь и досугъ. Пока онѣ не будутъ обезпечены для каждаго человѣческаго существа, намъ не приходится думать о роскоши.

Къ сожалѣнію, каждому писателю очень легко добиться одобренія толпы. Ему стоять только избѣгать осужденія вопроса о половыхъ потребностяхъ и, по крайней мѣрѣ, если не открыто и рѣшительно, то тайнѣ подчиниться господству полового террора и невѣжества, существующаго теперь въ нашемъ обществѣ. Но поступать такимъ образомъ — значитъ бросать еще лишній камень на могилу человѣческихъ надеждъ. Въ настоящее время нельзя принести настоящей пользы человѣчеству иначе, какъ мужественно и открыто поднявши величайшій вопросъ о половыхъ затрудненіяхъ и обсудивши его искренно. Безъ этого совершенно напрасны будутъ всѣ попытки: мы не обманемъ природу. Безсиліе и пустое самообольщеніе — вотъ чѣмъ отличаются всѣ общепринятая теперь воззрѣнія на человѣка и на общество, которыя не основаны на законѣ народонаселенія и на предупредительномъ половомъ соитіи.

Достоинство, свобода и независимость.

„Жить и другим давать жить“.

Человѣкъ стоитъ во главѣ вселенной, и мы можемъ составить себѣ только весьма неполное понятіе о чудномъ величіи и славѣ его существа. Мы восхищаемся необыкновенною энергіею и трансцендентнымъ совершенствомъ простѣйшихъ веществъ. Мы можемъ наблюдать, какъ ничтожное растеніе магическими силами, присущими невообразимо маленькой клѣточкѣ, строить сложное зданіе своего организма. Но когда мы начинаемъ размышлять о естественныхъ силахъ, свойственныхъ человѣку, силахъ, которыя создаютъ изъ такой же маленькой клѣточки наше чудное существо и доводятъ его развитіе до такого совершенства, передъ которымъ останавливается всякое воображеніе, то наше удивленіе не имѣетъ границъ. Человѣкъ, безъ всякаго сомнѣнія, является самою могучею и возвышенною частью природы; величіе его положенія въ мірѣ нельзя оцѣнить слишкомъ высоко. Если каждое произведеніе слѣдуетъ оцѣнить пропорціонально времени и труду, потраченнымъ на него, а также по величію его созданія и назначенія или по многочисленности силъ, которыми оно обладаетъ, то человѣкъ выше всякой оцѣнки. Проходили мириады вѣковъ прежде, чѣмъ творческія силы природы создали такое совершенство. Только путемъ продолжительной и терпѣливой выработки мы могли появиться на свѣтъ.

Какъ можемъ мы составить себѣ полное понятіе о безграничныхъ силахъ человѣка? Каждая маленькая клѣточка, входящая въ составъ нашего организма, обладаетъ таинственною силою жизни и смерти; на изученіе этой силы недостаточно всей человѣческой жизни. Совокупная дѣятельность этихъ клѣточекъ образуетъ индивидъ, настолько совершенный и одаренный такими разнообразными способностями, что онъ заслуживаетъ названіе „микрокосма“, потому что его многообразно-одаренное существо представляетъ собою вселенную въ сокращенномъ видѣ. *Человѣкъ—сама природа, дошедшая до самосознанія.* Онъ—выраженіе усилія природы, которая стремится сознать и понять себя въ такой же мѣрѣ, какъ и быть. Кажется даже, будто лѣстница существъ, поднявшись на такую высоту, не должна подниматься выше, потому что человѣкъ, непохожій въ этомъ

отношеніи на другихъ животныхъ, въ самомъ себѣ заключаетъ способность къ безконечному развитію.

Если, забывая на время, что сами принадлежимъ къ человѣческому роду, и разсматривая его съ объективной, а не съ субъективной точки зрѣнія, мы взглянемъ на недосыгаемую высоту того положенія, которое занимаетъ человѣкъ во вселенной, то должны будемъ признать, что онъ—самое великое и славное созданіе природы. Если мы взираемъ на великолѣпное небо и на окружающую насъ прекрасную землю съ восхищеніемъ и съ благоговѣніемъ, то при взглядѣ на человѣка, какъ на существо гораздо болѣе непостижимое и стоящее въ своемъ естественномъ величій неизмѣримо выше нашихъ познавательныхъ способностей, мы должны проникнуться еще болѣе высокими чувствами. Кто не чувствуетъ глубоко величія человѣчества, тотъ не чувствуетъ и величія самой природы, потому что человѣкъ — воплощенная природа. Мы можемъ, конечно, дать волю нашему воображенію и создавать самые прихотливые идеалы совершенства; но ничто, созданное нашею фантазіей, не дастъ намъ и малѣйшей идеи о совершенствѣ человѣческаго существа, которое совмѣщаетъ въ себѣ концентрированныя силы природы.

Когда мы размышляемъ о высотѣ того положенія, которое занимаетъ человѣкъ, когда мы наблюдаемъ чудныя произведенія его силы—науки, искусства, матеріальныя и умственныя богатства, собранныя имъ, когда мы видимъ, какъ заставилъ онъ различныя силы природы служить своимъ цѣлямъ и какъ другія твари смотрятъ на него, какъ на своего властелина и повелителя—то мы должны сознавать, что тотъ, кто обладаетъ такою властью, имѣетъ и должное сознаніе своего собственнаго достоинства, чтобы возвышаться надъ грубыми инстинктами низшихъ существъ и вести болѣе свободное и независимое существованіе. Но, увы! взглянувъ на современное состояніе человѣчества, мы видимъ совершенно иное: видимъ, что владыка міра вынужденъ бороться противъ самыхъ унижительныхъ золь, которыя лишаютъ его того чувства свободы и достоинства, которое должно быть ему присуще, и дѣлаютъ его робкимъ и трусливымъ рабомъ, а не владыкою своей судьбы.

Достоинство, свобода и независимость принадлежать къ самымъ драгоценнымъ благамъ жизни. *Независимость*, т. е. способность самому поддерживать свое существованіе, самому удовлетворять свои потребности—въ дѣйствительности основа всѣхъ другихъ благъ; она вызываетъ отрадное чувство собственнаго достоинства и свободы, чувство, необходимое для счастья. Цѣль соціальной науки должна заключаться въ томъ, чтобы доставить независимость каждому взрослому человеку. Каждый долженъ быть способенъ добывать себѣ все необходимое для жизни; въ дѣлѣ добыванія средствъ къ существованію никто не долженъ подчинять его себѣ. Конечно, взаимная зависимость должна существовать, потому что она составляетъ связь и необходимое условіе общественной жизни. Но эта зависимость должна быть взаимна и равномѣрна; иначе, свобода пострадаетъ.

Только на индивидуальной независимости каждого взрослого члена общества может быть основана общественная свобода и прочныя политическія учрежденія. Дѣйствительно, зависимость отъ другихъ до такой степени противоположна благосостоянію человѣка, что тамъ, гдѣ существуетъ эта зависимость, неизбѣжно являются неудовольствія и безпорядки. Никто, даже при всемъ своемъ добромъ желаніи, не можетъ такъ хорошо позаботиться объ удовлетвореніи потребностей другого, какъ этотъ послѣдній. Горькій и слишкомъ печальный опытъ доказываетъ намъ, что вездѣ, гдѣ одинъ человѣкъ имѣетъ власть надъ другими, онъ всегда злоупотребляетъ ею. Вотъ почему всѣ учрежденія и системы, которыя стремятся поставить одну часть человѣчества въ зависимость отъ другой, радикально ошибочны. Патріархальныя формы правленія и феодальныя идеи о благородной, щедрой аристократіи, окруженной благодарными вассалами, быстро уступаютъ мѣсто болѣе вѣрному и болѣе благородному принципу всеобщей независимости во всемъ, что касается средствъ къ жизни, тому принципу, который, составляетъ руководящую идею всѣхъ цивилизованныхъ народовъ настоящаго времени.

Но несмотря на всю нашу борьбу за эти существенныя потребности жизни—за свободу и независимость—общество еще далеко, слишкомъ далеко отъ достиженія такой цѣли. Если мы оглянемся вокругъ себя и станемъ наблюдать стремленія отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ состоитъ наше общество, то увидимъ, что найдется очень мало людей, совершенно свободныхъ и независимыхъ въ своей жизни.

Прежде всего, мы видимъ, къ стыду нашего рода, цѣлую массу *нищихъ*, которые окончательно не могутъ найти себѣ какого бы то ни было занятія и, для поддержанія своего существованія, чтобы не умереть съ голода, принуждены обращаться къ милосердію другихъ. Бездомные, отверженные и опозоренные, они клянутъ свою судьбу, которая составляетъ постоянное несчастье для нихъ самихъ и постоянный упрекъ для общества, которое не можетъ найти средствъ для устраненія этого страшнаго зла.

Если же обратимся къ *рабочимъ классамъ*, то и между ними мы найдемъ мало такихъ людей, о которыхъ можно было бы сказать, что они пользуются свободою или независимостью. Находясь подъ гнетомъ безпощадной конкуренціи, существующей повсюду въ настоящее время, они тратятъ всю свою энергію на добываніе насущнаго хлѣба и зависятъ вполнѣ отъ случая. Страхъ нищеты постоянно виситъ надъ ними, и часто всѣ ихъ усилія спасти себя отъ паденія въ бездну пауперизма или порока, оказываются совершенно безплодными. Не можетъ назваться свободнымъ человѣкомъ тотъ, кто вынужденъ съ ранняго утра и до поздней ночи томиться за работою, которая парализуетъ его усталые члены, и кто, несмотря на это, все-таки едва не умираетъ съ голода. Слѣпой ли случай или насиліе заставляютъ его работать—все равно: рабство почти одинаково. Остается ли чувство человѣческаго достоинства

у людей, которые вынуждены подвергаться такой усталости, прибѣгать къ недостойнымъ уловкамъ и, сверхъ того, находиться во власти свое- нравнаго хозяина, отъ благосклонности котораго зависеть ихъ судьба? На самомъ дѣлѣ, рабочіе классы вполне зависятъ отъ богатыхъ, потому что добывать средства къ существованію такъ трудно, что приходится поневолѣ угождать хозяину, во избѣжаніе гибели. Отсюда происходитъ то раболѣпство бѣдняковъ передъ богатыми, котораго ни въ какомъ случаѣ не должно быть, потому что всѣ люди должны взаимно уважать другъ друга. Всѣ имѣютъ одинаковое естественное достоинство и одинаковое право на уваженіе, не взирая на образъ занятія. Вотъ почему уваженіе не должно присваиваться только извѣстнымъ классамъ общества. Человѣкъ самъ по себѣ, а не случайныя, внѣшнія условія, въ которыя онъ поставленъ, требуетъ нашего уваженія. Но пока бѣднѣйшіе классы, вслѣдствіе слишкомъ многочисленнаго населенія, будутъ зависѣть отъ болѣе богатыхъ, до тѣхъ поръ не можетъ быть взаимнаго уваженія, не можетъ быть и должнаго чувства независимости и свободы; неудовольствіе и несчастія неизбежно проявятся.

Даже и между *богатыми классами* мы вовсе не видимъ настоящей независимости. Даже и здѣсь борьба за средства къ существованію или за возможность жениться и содержать свое семейство еще весьма упорна и часто слишкомъ превышаетъ силы одного человѣка; и тогда ему приходится выбирать одно изъ двухъ—или работать, какъ рабу или, при недостаткѣ силъ, впасть въ зависимость.

Но при всемъ унижительномъ положеніи мужчины, въ отношеніи его независимости, положеніе его, однако, безконечно лучше, положенія *женщины*. Существованіе ея почти всегда зависитъ отъ мужчины, что считается обыкновенно естественнымъ условіемъ ея жизни. Но это— громадная ошибка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, источникъ безчисленныхъ заблужденій и несчастій. Если мы взглянемъ на низшихъ животныхъ, то увидимъ, что у нихъ самка никогда не зависитъ отъ самца. Самки вообще бываютъ сильны,—иногда даже сильнѣе самцовъ; во всякомъ случаѣ онѣ ведутъ независимую жизнь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что женщина, по своей натурѣ, совершенно способна жить независимо, т. е. сама своимъ трудомъ добывать себѣ средства къ существованію. Какъ и мужчина, она одарена безграничными силами и способностями тѣла и духа, конечно, съ нѣкоторыми отличіями отъ мужчины. Очень мало найдется такихъ родовъ мужской дѣятельности, къ которымъ она не была бы способна, хотя и съ нѣкоторою разницею въ силѣ. Правда, что въ послѣднее время женщина сильно развилась; но развитіе ея все еще остается далеко позади мужского и на положеніе женщины все еще продолжаютъ смотрѣть, какъ на состояніе рабства и зависимости.

Если мы прослѣдимъ судьбу женскаго пола, начиная съ участи самой ничтожной проститутки и кончая положеніемъ королевы Велико- британіи, то найдемъ весьма мало женщинъ во всѣхъ классахъ общества,

которыя имѣли бы настоящее чувство независимости или то чувство свободы и собственного достоинства, какое должна имѣть Царица Природы. *Незамужнія женщины* бѣднѣйшихъ классовъ еще болѣе зависимы отъ слѣпота случая, чѣмъ мужчины. Занятій, доступныхъ женщинамъ, существуетъ еще такъ мало, что при ужасной конкуренціи между бѣдными работницами, заработная плата понижается до крайности, почти до нищеты, которая убиваетъ этихъ несчастныхъ.

Судьба женщинъ *богатыхъ классовъ* почти также несчастна, по моему мнѣнію, какъ и судьба бѣдныхъ работницъ, исключая, разумѣется тѣхъ, которыя дошли до крайней нищеты или проституціи. Образованной женщинѣ еще труднѣе найти для себя занятіе. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ невеселаго положенія гувернантки, едва ли еще какое-нибудь занятіе доступно для нея. Вотъ почему онѣ почти совершенно зависятъ отъ мужчины относительно средствъ къ существованію. Лучшія ихъ способности пропадаютъ даромъ и взаменъ ихъ, искусственно вызываются ничтожные таланты. Въ такомъ положеніи онѣ ждутъ, пока мужчина — рѣшитель ихъ судьбы, не соблаговолитъ улыбнуться и вывести ихъ изъ крайне незавиднаго положенія! посредствомъ брака, который, не безъ основанія, называютъ теперь единственною профессіею женщины. Вотъ почему судьба женщины зависить отъ любви мужчины; на этой любви она покоитъ всѣ свои надежды и унижается. Какъ, однако, несчастна женщина, которая зависить отъ такого измѣнчиваго и обманчиваго чувства, какъ полая любовь, особенно при теперешнемъ состояніи половыхъ отношеній! Такая зависимость отъ чувствъ мужчины извратила характеръ женщины, сдѣлала его поддѣльнымъ, пустымъ и слабымъ, заставила ее искать того, что нравится мужчинѣ, а не того, что истинно и благородно въ ея собственныхъ глазахъ. Эта же неестественная зависимость составила несчастье обоимъ половъ. Помыслы о замужествѣ и страхъ остаться старой дѣвой — вотъ чувства, которыя неразрывно связаны съ теперешнимъ состояніемъ общества и существующими понятіями о половыхъ отношеніяхъ. Онѣ унизили женщину и довели ее до того состоянія страха или робости, которое такъ разрушительно дѣйствуетъ на счастіе и чувство собственного достоинства.

Нѣтъ положенія, гдѣ было бы такъ мало достоинства, свободы и независимости, какъ положеніе *молодой незамужней женщины*, принадлежащей къ достаточнымъ классамъ, особенно когда пора ея юности уже миновала и она начинаетъ вполнѣ чувствовать, что все счастіе и свобода ея жизни зависятъ отъ случая — удастся ли ей выйти замужъ или нѣтъ. Что остается дѣлать этой несчастной? Ей опротивѣли ея вадорные таланты, которые должны были составлять украшеніе жизни, а не ея сущность. Передъ нею нѣтъ никакого поприща для дѣятельности тѣхъ высшихъ, прирожденныхъ ей силъ, которыя постоянно требуютъ „труда и труда“. У нея нѣтъ ни свободы движенія, ни свободы дѣйствій. Въ

своихъ средствахъ къ жизни она зависить, конечно, отъ семейства; въ любви своей—этой существенной доли счастья, она тоже зависить отъ другихъ.

Хотя бракъ и представляетъ большое улучшеніе этого состоянія, но имѣеть также громадныя невыгоды. Жена все-таки вполнѣ зависить отъ мужа, а кто знаетъ человѣческую натуру, кто можетъ предвидѣть будущія несчастія? Замужняя женщина находится во власти мужа и должна исполнять его желанія. Сравнительно съ мужемъ, она имѣеть весьма мало правъ. Мужъ получаетъ львиную долю свободы и ждетъ отъ жены почтенія и повиновенія. Такія отношенія составляютъ даже, къ стыду нашему, религиозную формулу брака. Правда, что во многихъ случаяхъ врожденное человѣку благородство и преданная любовь сглаживаютъ отчасти эти неравенства; но наши разсужденія не должны основываться на исключительныхъ случаяхъ. Достоверно, что и женщина, какъ вообще всякій, кто зависить отъ другого въ средствахъ къ существованію и удовлетворенію потребностей—пищи и любви—не можетъ ожидать свободной и достойной, другими словами—счастливой участи. Такая участь можетъ выпасть на ея долю только при стеченіи особенно благоприятныхъ обстоятельствъ. Милостыня, которою существуетъ женщина, можетъ быть позолочена и подкрашена именемъ любви, но тѣмъ не менѣе она остается милостыней. Кто зависить отъ другихъ—не долженъ ожидать счастливой участи. Настоящее чувство собственного достоинства и свободы требуетъ непремѣнно сознанія независимости.

Впрочемъ, такая зависимость женщины угнетаетъ не только ее, но и самого мужчину. Онъ долженъ работать для поддержанія существованія двоихъ, что заставляетъ его напрягать свои усилія. Такимъ образомъ жена или дочь постоянно должны чувствовать угрызение совѣсти, принуждая истощаться тѣхъ, кого онѣ любятъ. Часто говорятъ, что жена несетъ свою долю заботъ о семействѣ, ведя хозяйство, выкармливая и воспитывая дѣтей. Но это совершенно невѣрно, особенно когда дѣло идетъ объ образованныхъ классахъ. Посвящать всѣ свои помыслы домашнему хозяйству или исполнять роль кормилицы или няни—такая жизнь не можетъ быть удовлетворительна для энергичной и хорошо образованной женщины. Даже и въ настоящее время, когда размноженіе семействъ составляетъ монополию ограниченнаго числа женщинъ и дѣтороженіе составляетъ правило брачной жизни, заботы этого рода не должны поглощать все вниманіе женщины. Но современемъ, когда пропорція дѣтей въ каждомъ семействѣ будетъ иная, женщина освободится отъ подобныхъ хлопотъ.

Замужнія женщины *бѣдныхъ классовъ* ведутъ жизнь, въ нѣкоторомъ отношеніи, болѣе достойную и независимую, чѣмъ женщины *классовъ богатыхъ*. Онѣ иногда помогаютъ своему мужу въ его работѣ или занимаются стиркою, стряпаньемъ или другими работами, а потому не

такъ заняты дѣтьми. Но и здѣсь женщина находится въ зависимости, потому что въ большинствѣ случаевъ мужъ одинъ содержитъ семейство. Эта необходимость тяжело отзывается на силахъ главы семейства. Онъ долженъ конкурировать относительно работы съ молодыми неженатыми людьми, а вслѣдствіе того заработная его плата понижается до такой степени, что ее едва достаегъ на удовлетвореніе потребностей цѣлаго семейства. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ такихъ случаяхъ мужъ начинаетъ дурно и грубо обращаться съ женой? Она терпитъ такое обращеніе, потому что сознаетъ свою зависимость отъ мужа и не осмѣливается сопротивляться ему. Она терпитъ вовсе не потому, что физически слабѣе, а также и не изъ любви къ мужу: она терпитъ просто потому, что безъ него она не имѣла бы средствъ къ существованію. Если бы женщина стала независима отъ мужчины, тогда, разумѣется, прекратилось бы и дурное обращеніе, и тиранія мужей надъ своими женами. Мы можемъ быть совершенно увѣрены, что пока женщина будетъ находиться въ зависимости отъ мужчины въ средствахъ къ существованію, до тѣхъ поръ и обращаться съ нею будутъ, какъ съ существомъ подчиненнымъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ нашемъ обществѣ находится безчисленное множество лицъ, которыя зависятъ отъ другихъ или живутъ въ рабствѣ, въ силу необходимости добывать средства, существенно-необходимыя для жизни, т. е. *хлѣбъ насущный*. Въ этомъ отношеніи человѣкъ, высшее существо въ природѣ, находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ низшія животныя, которыя вообще гораздо легче и вѣрнѣе прискиваютъ необходимую для себя пищу, по крайней мѣрѣ въ зрѣломъ возрастѣ, и могутъ избѣгать гибели при своемъ размноженіи. Потребность пищи—самое первое и существенное условіе жизни и всѣхъ ея проявленій. Кто не въ состояніи добывать необходимое количество пищи—не можетъ вести жизнь свободную, достойную или независимую; и кто, въ этомъ отношеніи, зависитъ отъ произвола другихъ—не можетъ жить, какъ слѣдуетъ.

Но кромѣ недостатка пищи, есть еще многія другія важныя препятствія для свободной и достойной жизни. Самое очевидное изъ нихъ, при современномъ состояніи нашего общества, выражается въ недостаткѣ *половой любви*. Можно сказать, что въ настоящее время этотъ недостатокъ ощущается сильнѣе недостатка въ пищѣ; впрочемъ и тотъ, и другой, недостатки такъ тѣсно связаны между собою, что ихъ нельзя отдѣлять другъ отъ друга. Отъ недостатка пищи пропадаетъ любовь, которая, въ свою очередь, при злоупотребленіи и непредусмотрительности, производитъ голодъ.

Половая любовь—такая существенная потребность для человѣка, что ее слѣдуетъ считать одною изъ *необходимѣйшихъ условій жизни*. Подъ словомъ „необходимое“ въ настоящее время понимаютъ только пищу, чистый воздухъ и проч.—все, что абсолютно необходимо для

жизни; но это большое заблуждение, которое проникло во всё теорію о природѣ человѣка и во всё общественныя системы; онѣ не признають теперь, что развитіе воспроизводительныхъ способностей, также существенно-необходимо. У самыхъ низшихъ организмовъ, у клѣточекъ протопитовъ или простѣйшихъ растений, размноженіе, какъ и питаніе, составляетъ всегда существенную функцію жизни. И въ человѣкѣ отправленіе этой функціи абсолютно необходимо для здоровья, счастья и развитія. Потребность пищи и любви составляетъ условіе жизни. Пища способствуетъ поддержанію существованія индивида, а любовь — сохраненію вида. Удовлетвореніе этихъ двухъ потребностей необходимо для свободы, здоровья и счастья человѣческой жизни. Кто не можетъ утолить своего голода или принужденъ трудиться съ ранняго утра и до ночи для удовлетворенія этой потребности, тотъ — рабъ нужды. Точно также и тотъ — рабъ страсти, кто не можетъ удовлетворить своихъ половыхъ желаній и, поэтому, страдаетъ отъ дурного расположенія духа, слабости тѣла и упадка силъ. И тотъ, и другой не пользуются свободною, достойною или независимою жизнью. Вотъ почему удовлетвореніе этихъ потребностей — пищи и любви — составляетъ первое условіе нашего здоровья и довольства; безъ этого удовлетворенія наша жизнь всегда будетъ зависимою и рабскою.

Свобода и достоинство человѣка страдаютъ больше всего отъ нарушенія закона половой любви. Это нарушеніе крайне унижаетъ насъ, вызывая скрытность, обманъ, позоръ и насиліе во всевозможныхъ видахъ. Этотъ фактъ до такой степени безспоренъ, что о немъ обыкновенно даже и говорить не желаютъ, потому что всякій избѣгаетъ открывать позоръ нашего общества. Главный источникъ этихъ золъ, которыя могутъ быть опредѣлены словами — „тиранія любви“ и „тиранія пищи“, заключается, какъ было сказано, въ принципѣ народонаселенія. Но такъ такъ этотъ принципъ дѣйствуетъ въ нашемъ обществѣ посредствомъ второстепенныхъ ограниченій и препятствій для развитія любви (на что не обращаютъ обыкновенно вниманія), то я желаю сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Чрезмѣрно строгія правила половой нравственности, воспрещающія всякое половое общеніе внѣ брака, который для большинства возможенъ только поздно, породили цѣлую правильную систему тайныхъ и продажныхъ половыхъ отношеній; эта система привилась ко всѣмъ цивилизованнымъ обществамъ и унизила человѣческое достоинство и свободу почти такъ же, какъ и нищета. Скрытность и обманъ — смертельныя враги свободы и чести; вотъ почему, пока существуетъ наша система половыхъ отношеній, молодежь не можетъ жить достойно. Продажная любовь сама по себѣ уже — гнусность, которая позоритъ природу и всѣхъ, кто принужденъ теперь прибѣгать къ распутству.

Честь обоихъ половъ сильно страдаетъ отъ половыхъ затрудненій, хотя и въ различной степени. Посмотримъ сперва на положеніе *молодого* *человѣка*. Если онъ станетъ воздерживаться отъ запретныхъ отношеній,

то жизнь его не будет свободна и достойна. Если же въ немъ разбушуются половыя страсти, что почти всегда бываетъ въ юности и составляетъ признакъ душевнаго и тѣлеснаго здоровья, то онъ становится рабомъ этихъ страстей. Онѣ мучатъ его, поглощаютъ все его мысли и мѣшаютъ развитію его силъ и способностей въ другихъ направленіяхъ. Быть можетъ эти страсти доведутъ его до рукоблудія, которое убиваетъ скорѣе всего чувство собственнаго достоинства.

Если молодой человѣкъ не будетъ воздерживаться отъ половыхъ отношеній, сколько встрѣтитъ онъ затрудненій! Если онъ станетъ предаваться распутству, продажной любви, какъ это дѣлаетъ большинство, — то будетъ унижать самого себя и опозлить свой идеалъ любви. Любовь — такая страсть, которая, при своемъ развитіи, возвышаетъ физическую и нравственную сторону человѣка, возвышаетъ пропорціонально чувству взаимной привязанности и уваженія, какое проявляется между любящими. Но при покупной любви, для чувства взаимнаго уваженія вообще нѣтъ мѣста. Любовь, которая дается за деньги, бываетъ безстрастна, апатична или просто развратна. Бѣда юношѣ, который растетъ при такихъ унижительныхъ условіяхъ.

Если, питая отвращеніе къ продажной любви, онъ станетъ искать внѣ брака болѣе чистыхъ связей, то на этомъ пути встрѣтитъ много затрудненій и препятствій. Желаніе во что бы то ни стало скрыть интимныя отношенія такого рода и страхъ, что онѣ откроются, чувствуется постоянно, потому что, странно сказать, общество вообще относится къ такимъ связямъ гораздо строже, чѣмъ къ распутству продажной любви, на которую смотрять, какъ на извинительный грѣшочъ молодого человѣка; мало того, такое распутство считается иногда чѣмъ-то въ родѣ доблести. Тайныя связи и страхъ потерять хорошую репутацію ставятъ молодого человѣка въ крайне щекотливое, недостойное положеніе. На самомъ дѣлѣ, во всехъ половыхъ связяхъ, кромѣ брачныхъ, молодой человѣкъ принужденъ вести себя, какъ мошенникъ: онъ долженъ избѣгать свѣта и постоянно опасаться, чтобы его не поймали. Легко понять, какъ это унижаетъ его характеръ. За то, что онъ осмѣливается удовлетворять одной изъ основныхъ потребностей своей природы, его считаютъ чуть не преступникомъ, какимъ-то воромъ или развратникомъ, хуже пьяницы. *Дѣйствительно, въ мы большую часть своей жизни, ведемъ себя, какъ мошенники,* потому что очень мало найдется людей, которые не имѣли бы недозволенныхъ связей. Можетъ ли продолжаться такой порядокъ? Долго ли молодежь будетъ осуждена на такое постыдное поведеніе? Ни одинъ честный человѣкъ не можетъ безъ горечи выносить необходимости дѣйствовать тайно, изъ-подтишка. Мы должны оправдать наши дѣйствія, а если нельзя ихъ оправдать, то перестать такъ дѣйствовать. Для молодежи позорно то, что она ведетъ себя скрытно. Основное правило честной жизни заключается въ томъ, чтобы „никогда не дѣлать ничего, въ чемъ страшно было бы признаться“.

Искренность въ поведеніи—вотъ ручательство въ честности. Въ настоящее время всѣ половыя связи, кромѣ брачныхъ, основаны на таинственности, обманѣ и позорѣ; даже бракъ не исключаетъ этого.

Если уже мужчина поставленъ въ такое унижительное положеніе относительно половыхъ потребностей, то несчастная женщина находится въ безконечно-худшемъ состояніи. Прежде всего у насъ есть огромное количество проституттокъ, о страшномъ униженіи которыхъ нельзя подумать безъ ужаса и горя. Тотъ фактъ, что у насъ существуетъ цѣлый классъ несчастныхъ женщинъ, которыхъ считаютъ хуже собакъ, преслѣдуютъ и травятъ вездѣ, отъ которыхъ съ презрѣніемъ и отвращеніемъ бѣгаютъ сами женщины, которыхъ оскорбляютъ и мужчины, потребностямъ которыхъ онѣ служатъ—все это составляетъ такую постыдную и черную страницу въ исторіи нашего общества, что ее не смыть никакими слезами раскаянія. И за что преслѣдуютъ этихъ несчастныхъ такъ беспощадно? Въ сущности за то, что онѣ дѣлаютъ то же самое, что и всѣ молодые люди, которые имѣютъ съ ними сношенія, веселятся, а потомъ бросаютъ ихъ на произволъ судьбы.... Въ нашемъ обществѣ онѣ удовлетворяютъ той потребности, безъ которой человѣкъ, по самой природѣ своей, не можетъ обойтись. Несмотря на громадное зло проституціи, публичныя женщины оказываютъ огромную услугу человѣчеству, смягчая до нѣкоторой степени вредныя и пагубныя послѣдствія закона народонаселенія, именно: половое воздержаніе и преждевременную смерть. Такимъ образомъ, на проституттокъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на мученицъ существующаго порядка въ мірѣ половыхъ отношеній.

Въ брошюрѣ „Нищета“ уже сказано о стѣсненномъ и недостойномъ положеніи *незамужней женщины* относительно любви. Продолжительное половое воздержаніе отравляетъ ея жизнь и влечетъ за собою истерику и цѣлый рядъ несчастій, уничтожающихъ чувство собственного достоинства.

Если же молодая незамужняя женщина рѣшится имѣть какую нибудь запретную половую связь, то все общество возстанетъ противъ нея и погубитъ ея жизнь. Вотъ почему каждый подобный шагъ сопровождается страхомъ, затрудненіями, сердечными страданіями и цѣлымъ рядомъ униженій. Несправедливость къ женщинѣ въ этомъ отношеніи такъ же очевидна и жестока, какъ и въ отношеніи проституціи. Молодому человѣку предоставляется извѣстная доля свободы и если онъ позволяетъ себѣ незаконныя половыя удовольствія, то это считается дѣломъ извинительнымъ; но если молодая женщина рѣшится на то же самое, то ея репутація окончательно пропадетъ. Эта несправедливость—вопіющій позоръ для нашего общества; она уничтожаетъ всякое здоровое понятіе о нравственности. вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется на практикѣ правило нравственности: „Поступай съ другими такъ, какъ желаешь, чтобы другіе поступали съ тобою“. Мужчина позволяетъ себѣ половыя удовольствія; но если женщина позволить себѣ то же самое, то сейчасъ же онъ самъ

начинает вопить против нея. Достойно ли это мужчины? справедливо ли это? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Если мужчина требуетъ отъ женщины, чтобы она отказалась отъ всѣхъ половыхъ удовольствій, исключая того, которое предписано существующимъ кодексомъ нравственности, то пусть же и самъ онъ откажется отъ этихъ удовольствій. Но если брать или мужъ, за которымъ, какъ говорится, водятся грѣшки, требуетъ отъ своей сестры полного воздержанія или отъ своей жены постоянной вѣрности, то это очевидная несправедливость. Пока женскій полъ не будетъ сравненъ съ мужскимъ относительно половой свободы и достоинства, до тѣхъ поръ не будетъ ни справедливости, ни счастья. Готовъ ли мужчина отказаться отъ всякихъ половыхъ отношеній внѣ брака? Если готовъ, тогда пусть онъ требуетъ того же и отъ женщины. Но если онъ желаетъ наслаждаться любовью свободнѣе и достойнѣе, чѣмъ теперь, то можетъ достигъ этой цѣли только въ томъ случаѣ, если предоставитъ женщинѣ такую же свободу.

Итакъ, мы видимъ, что различные классы нашего общества осуждены терпѣть явную несправедливость и униженіе, вслѣдствіе недостатка свободы въ любви. Едва ли найдется между нами хоть одинъ мужчина или одна женщина, чье чувство чести и собственнаго достоинства не страдаетъ по этой причинѣ. Едва ли есть хоть одинъ человекъ, чей характеръ не испорченъ отсутствіемъ свободной любви. Каждый скрываетъ свои любовныя похождения, болѣе или менѣе постыдныя. Это дѣло—крайне щекотливое, которое унижаетъ и позоритъ наше общество больше всего.

Кромѣ этихъ двухъ главныхъ условий, вытекающихъ изъ законовъ природы — роковой потребности въ пищѣ и любви, есть еще тиранія, происходящая отъ человѣческихъ установленій, которыя въ значительной мѣрѣ стѣсняютъ свободу и унижаютъ достоинство человѣчества. Это тиранія *религіозныхъ вѣрованій*. Мало такихъ странъ, гдѣ эти вѣрованія не унижаютъ достоинства человека. Всѣ мы знаемъ, до какой степени мало цивилизованные народы, какъ индѣйцы, китайцы и проч., наклонны къ идолопоклонству. Но даже въ нашемъ обществѣ, не взирая на большую степень развитія, мы не можемъ похвастаться тѣмъ, что избавились отъ пагубнаго вліянія вѣрованій, посягающихъ на свободу и человѣческое достоинство.

Въ Англіи есть уже обширный и постоянно возрастающій классъ людей, которые не раздѣляютъ господствующихъ религіозныхъ возрѣній. Свобода людей этого класса серьезно стѣсняется тѣми ограниченіями, которыя придумываетъ нетерпимость. Въмѣсто того, чтобы спокойно выслушивать мнѣнія, добросовѣстно высказываемыя этими людьми и подвергать ихъ свободному обсужденію, на нихъ вообще дабрасываются съ крайнимъ ожесточеніемъ и презрѣніемъ. Кто же явно раздѣляетъ эти мнѣнія, на тѣхъ смотрятъ съ чувствомъ отвращенія. Вотъ почему они принуждены въ большинствѣ случаевъ скрывать свои убѣжденія и вести

такой образъ жизни, и слѣдовать такимъ обычаямъ, которые противны ихъ совѣсти. Вся жизнь ихъ представляетъ непрерывный рядъ обмановъ и ложныхъ положеній, которыя неизбѣжно извращаютъ чувство свободы и собственного достоинства.

Человѣкъ, который открыто заявляетъ, что не вѣрить въ христіанство, подвергается безчисленнымъ непріятностямъ и самому недостойному обращенію. Огромное большинство его согражданъ смотритъ на него съ ужасомъ, отвращеніемъ или съ презрѣніемъ. Не говоря уже о томъ, какъ глубоко долженъ страдать этотъ человѣкъ, искренно любящій своихъ ближнихъ, такое обращеніе съ нимъ посягаетъ на самую честь. Онъ ставится въ число ужасныхъ злодѣевъ; всѣ его дѣйствія истолковываются въ дурную сторону; самыя благородныя стремленія служить человѣчеству признаются подозрительными. Свободное выраженіе мнѣній, которыя онъ считаетъ существенно важными для счастья человѣчества, въ высшей степени ограничено. Его ближайшіе друзья и родные начинаютъ относиться къ нему холодно и не упускаютъ случая позорить самыя дорогія его убѣжденія. По правдѣ, человѣкъ, который благородно рѣшается открыто высказывать свои независимыя религіозныя убѣжденія, долженъ вытерпѣть очень много; служеніе истинѣ все еще продолжаетъ быть мученичествомъ.

Но если люди, которые уклоняются отъ общепринятой формы различныхъ вѣрованій, поставлены въ такое недостойное и рабское положеніе то, положеніе и тѣхъ, кто принимаетъ эти вѣрованія, также незавидно. Всѣ существующія религіи утверждаютъ господство сверхъестественной силы надъ человѣкомъ и природой и, стало быть, уничтожаютъ самыя основы человѣческаго достоинства и свободы. Эти религіи провозглашаютъ, что человѣкъ находится подъ самодержавною властью неотвѣтственного владыки, надъ которымъ никто не имѣетъ никакого контроля, понять котораго онъ не можетъ, произволу котораго должна подчиняться его собственная воля, котораго онъ долженъ стараться умиловить, унижаясь предъ нимъ съ покорностью; о справедливости словъ и заповѣдей котораго онъ и разсуждать не смѣетъ. Короче сказать, на служеніе этому владыкѣ онъ долженъ посвятить всю свою жизнь подъ страхомъ самаго невообразимаго мщенія. Если это такъ, то достоинство и свобода человѣка—пустыя слова: на самомъ дѣлѣ, онѣ не существуютъ. Самая идея неотвѣтственного повелителя находится въ такомъ явномъ противорѣчій съ нашими понятіями о свободѣ и нравственномъ достоинствѣ, что тамъ, гдѣ существуетъ эта идея, не можетъ быть истинной свободы и достоинства. Совершенное равенство взаимной зависимости между всѣми мыслящими существами—вотъ охрана и цѣль свободы и добродѣтели. Но куда проникаетъ идея о неравной отвѣтственности, тамъ она становится пагубною какъ для свободы, такъ и для добродѣтели. Быть во власти когонибудь другого, кто не признаетъ надъ собою контроля, — значить самоунижаться и терять всякое чувство самоуваженія. Что же мы такое? Гдѣ наше достоинство, если мы постоянно подчиняемся произволу другого

лица, которое может дѣлать съ нами все, что ему вздумается, потому что оно не отдаетъ намъ никакого отчета въ своихъ дѣйствіяхъ?

Почитая Бога, человѣкъ позабылъ уважать Человѣка. Ничто, можетъ быть, не побуждало человѣка такъ презирать другихъ и жестоко обращаться съ ними, какъ религіозное рвеніе, какъ предпочтеніе Бога—Человѣку. Какія гекатомбы жертвъ приносились во славу этой идеи, начиная со временъ Тамерлана, Магомета, Инквизиціи и вплоть до нашихъ дней! Всѣ эти люди считали уваженіе къ Богу за величайшую, существенную, составную часть добродѣтели; но уваженіе къ человѣку было чуждо ихъ вѣрованіямъ. Правда, что эти чудовищныя идеи теряютъ свою силу при свѣтѣ нашего просвѣщенія, но онѣ все-таки составляютъ сущность нашихъ религіозныхъ вѣрованій. Говорятъ, что главное назначеніе Человѣка состоитъ въ прославленіи Бога. Вотъ почему различныя религіозныя секты, унижаясь предъ божествомъ, часто смотрятъ съ величайшимъ презрѣніемъ и ненавистью на своихъ ближнихъ, которые осмѣиваются не вѣрить въ предметъ ихъ обожанія. Говоря короче, все это происходитъ оттого что Бога предпочитаютъ Человѣку. О Богѣ они не осмѣиваются думать иначе, какъ съ трепетомъ и благоговѣніемъ; предъ нимъ они повергаются во прахъ, но обращаясь къ своимъ ближнимъ, они чувствуютъ къ нимъ презрѣніе. Съ ужасомъ отворачиваются они отъ тѣхъ, кто отрицаетъ ихъ религіозныя вѣрованія; проститутки внушаютъ имъ отвращеніе и, по самому незначительному поводу, они раздражаются и съ неуваженіемъ относятся къ своимъ ближнимъ.

А между тѣмъ несомнѣнно истинно то, что каждый изъ насъ, какъ бы низко онъ ни падалъ и унижался, остается всегда существомъ безконечно славнымъ и достойнымъ обожанія, болѣе всякаго Бога, какого только можно выдумать. *Человѣкъ*—вотъ настоящій предметъ любви и уваженія; ему должны служить мы, ему должны воздавать честь, какъ бы несчастенъ и униженъ онъ ни былъ. Человѣкъ—это совершенство природы—стоитъ безконечно выше всякихъ сверхъестественныхъ представленій.

Что значить уваженіе? Почему оно—добродѣтель и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанность?—А потому, что при чувствѣ уваженія мы способны возвышать другихъ, поддерживать ихъ и быть имъ *полезными*. Расточать чувство нашего почтенія какому-нибудь существу, которому это чувство не можетъ принести никакой пользы—значитъ напрасно имѣть его. Допуская даже возможность существованія сверхъестественнаго существа, мы вовсе не обязаны ужасать его, такъ какъ не можемъ сдѣлать ему никакого добра. Идея о божествѣ должна исчезнуть; она такъ противоположна нашему современному знанію жизни и природы, что не можетъ долго существовать въ какой бы то ни было формѣ. Но человѣкъ, напротивъ того, существуетъ; онъ—нашъ истинный, естественный братъ, кость отъ кости и плоть отъ плоти нашей; онъ подавленъ страданіями, томится горемъ и тоской, ожесточенъ униженіемъ: вотъ его-то и слѣдуетъ

любить и уважать, потому что эти чувства никогда не будут расточены напрасно. О, пусть же сердце, истинно любящее своих ближних, никогда не откажется раздѣлить ихъ радости или горе и не увлечется пышностью религиозной обрядности!

Изучая всемірную исторію, мы видимъ какъ велика разница между послѣдствіями жизни, посвященной на служеніе Богу, и жизни, принесенной на пользу человѣку. Всѣ признають бесполезность жизни монаховъ, монахинь и другихъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу. Если бы христіанская религія не заключала въ себѣ человѣчной идеи, существенно состоящей въ любви и уваженіи къ *Человѣку*, то она не просуществовала бы и одного дня. Для міра было бы безконечно лучше, если бы уваженіе и гуманность къ своимъ ближнимъ составляли весь предметъ религиозныхъ вѣрованій человѣчества! Мечъ и костеръ, проклятiя и религиозныя преслѣдованія не прикрывались бы тогда маскою святости, но показались бы во всей своей гнусности. Мы не видѣли бы тогда людей, которые, съ цѣлью получить вѣчное блаженство, ходятъ по церквамъ и преклоняются предъ божествомъ, питая въ то же самое время презрѣніе къ своимъ ближнимъ; рядомъ съ этими людьми, мечтающими о раѣ, бродятъ преступники, нищіе и проститутки, покрытые стыдомъ и презрѣніемъ. Единственно-истинная религія заключается въ уваженіи и любви ко всѣмъ нашимъ ближнимъ; та религія, которая учитъ насъ не искать счастья исключительно для самихъ себя и не вѣрить въ возможность такого счастья, пока наши ближніе страдаютъ; та религія, которая побуждаетъ насъ скорѣе умереть вмѣстѣ съ ближними, чѣмъ покинуть ихъ. Эта религія не имѣетъ ничего общаго съ другою, которая заставляетъ насъ преслѣдовать своекорыстную идею, ожесточаетъ сердца наши посредствомъ бездушной формальности обрядовъ, дающихъ намъ предлогъ чуждаться своихъ ближнихъ.

Другая важная причина униженія чувства свободы и достоинства въ каждомъ изъ насъ состоитъ въ господствѣ *одного типа* нравственного совершенства для всѣхъ людей. Личный характеръ Христа признается за образецъ всѣхъ добродѣтелей; ему велятъ подражать, не взирая на все различіе нравственныхъ особенностей. Вслѣдствіе этого, всякій характеръ иного рода унижается, а свобода самостоятельнаго развитія отрицается. Сравнивая себя съ личностью Христа, мы умаляемся и, вмѣсто того, чтобы развиваться сообразно съ нашими естественными стремленіями, хотимъ подражать Христу и предпочитаемъ его характеръ своему собственному. Это громадное заблужденіе. Истинное правило достойной нравственности заключается въ слѣдующемъ: „*Будь самимъ собою, не подражай никому; ты не можешь стать выше своей дѣйствительной индивидуальности*“. Каждый человѣкъ естественно отличается отъ другихъ, а потому у каждого есть свой типъ совершенства, до котораго онъ способенъ дойти въ своемъ развитіи. При сравненіи одного человѣка съ другимъ, всегда бываетъ легко впасть въ ошибку; всякаго

слѣдуетъ сравнивать только съ его собственною натурой и принимать въ соображеніе особыя обстоятельства его жизни. Люди судятъ о себѣ самихъ и о своихъ ближнихъ по христіанскому идеалу и, согласно ему, больше или меньше уважаютъ себя и другихъ. Вотъ почему всякій характеръ, который не подходитъ къ этому идеалу, хотя, можетъ быть, и выше его, всегда унижается, а христіанскія добродѣтели получаютъ незаслуженную дань уваженія. Въ особенности *физическія качества*, непризнаніе которыхъ составляетъ самый коренной недостатокъ христіанскаго идеала, находятся въ униженіи; развитіемъ ихъ пренебрегается, вслѣдствіе чего, существуетъ множество самыхъ плачевныхъ золъ, которыя могутъ устраниться только силою физической религіи въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній.

Основная идея ученія объ *Искушеніи* также въ высшей степени унизительна для человѣческаго достоинства. Это понимаютъ многіе; тѣ же, которые находятъ удовольствіе въ томъ, чтобы унижать себя и своихъ ближнихъ передъ божествомъ, поддерживаютъ постоянно подобную идею. Она состоитъ въ томъ, что нравственная природа человѣка существенно испорчена и порочна и что онъ рожденъ въ *первородномъ грѣхѣ*. Нельзя придумать другого ученія, которое было бы убійственнѣе для человѣческаго достоинства и свободы. Что мы значимъ, послѣ этого, и какое можемъ имѣть уваженіе или довѣріе къ самимъ себѣ, если знаемъ, что испорчены всѣ до мозга костей и что наша нравственная природа радикально извращена и стремится неудержимо ко злу? Но такое представленіе, очевидно, совершенно ложно и такъ же противно здравому смыслу, какъ и опасно для нравственности. Всякій, изучавшій жизнь и различныя органы и способности, которыми одаренъ человѣческій разумъ, знаетъ, что одинъ изъ законовъ, который никогда не слѣдуетъ терять изъ виду при изслѣдованіи жизненныхъ явленій, состоитъ въ слѣдующемъ: *дѣятельность всякаго органа и всякой способности направлена неизмѣнно, во всѣхъ случаяхъ и во всякое время, къ сохраненію цѣлаго*. И въ здоровомъ, и въ болѣзненномъ состояніи это одинаково вѣрно. Каждый процессъ въ здоровомъ или болѣзненномъ состояніи тѣла стремится, по закону природы, сохранить индивидъ; другими словами, отправленіе всякаго органа существенно *хорошо*. Этотъ законъ примѣняется точно также и ко всякой умственной и нравственной дѣятельности: всякая мысль и всякое чувство, по самымъ необходимымъ условіямъ нашей жизни, должны быть направлены къ сохраненію, а не къ нарушенію организма; слѣдовательно, онѣ должны быть до извѣстной степени существенно *хороши*. Такимъ образомъ, внимательно изучая тѣ душевныя движенія, которыя обыкновенно называются *дурными* страстями и приводятся въ примѣръ прирожденной испорченности человѣка, мы увидимъ, что онѣ неизмѣнно направляются ко благу человѣка такъ же точно, какъ доказано, что всѣ болѣзненные процессы стремятся сохранить жизнь. Эта великая философская истина до сихъ поръ еще не вполне

сознается оттого, что нѣтъ еще естественной науки о духѣ. Кромѣ того, истинная сущность болѣзненныхъ процессовъ, совершающихся въ тѣлѣ, была понята только недавно. Незнаніе этой истины составляетъ основную ошибку нашей нравственной и религіозной философіи, такую ошибку, которая ведетъ къ самымъ печальнымъ недоразумѣніямъ относительно значенія человѣческаго духа и того, какъ слѣдуетъ съ нимъ обращаться въ здоровомъ и болѣзненномъ его состояніи. Эти недоразумѣнія встрѣчались постоянно у старыхъ медиковъ, которые не довѣряли дѣятельности природы, не вѣрили въ нее и всегда старались дѣйствовать на перекоръ ея усиліямъ. Теперь лучшіе медики признаютъ, что задача медицины должна состоять въ томъ, чтобы заботливо изучать дѣятельность природы и помогать ей всѣми средствами, а не слѣпо противоdѣйствовать ей, называя ее болѣзненною, дурною или извращенною, какъ это дѣлаютъ еще наши современные моралисты по отношенію къ явленіямъ духа. Пока моралисты будутъ поступать такимъ образомъ, презирая прекрасную нравственную природу человѣка и клеймя позоромъ тѣ чудныя страсти, которыми наша природа стремится удалить отъ насъ все, что мѣшаетъ нашему счастью и развитію, до тѣхъ поръ мы не можемъ питать надежды на успѣхъ науки о нравственности. Эта наука не принесетъ намъ никакой практической пользы, не возвыситъ человѣка, не дастъ ему ни чувства собственного достоинства, ни сознанія своей силы.

Можно принять за аксіому, что *духъ* человѣка такъ же прекрасенъ и чуденъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, какъ и тѣло его. Хотя мы очень мало еще понимаемъ значеніе тѣла и духа, однако же знаемъ достаточно, чтобы имѣть убѣжденіе въ томъ, что всѣ дѣйствія природы во всѣхъ ея частяхъ безковечно совершенны. Только наблюдая тѣло и душу во всѣхъ фазахъ здоровья ихъ и болѣзни, мы можемъ получить истинное понятіе о нравственной или физической доблести. Путемъ же воображенія мы дойдемъ только до искаженія и вздорнаго представленія природы вещей. Природа не имѣетъ ничего общаго съ нашими туманными предразсудками. Всякій, кто сознаетъ безконечную сущность ея явленій, долженъ чувствовать, что всѣ теоріи, какія можно построить теперь о добродѣтели или порокѣ, будутъ такъ же далеки отъ безконечности, какъ и тѣ немногія истины, которыя открылъ Ньютонъ. Убѣдимся въ одномъ: какъ бы мы не поступали, чтобы съ нами ни случилось—смерть ли отъ рака или сифилиса, сумасшествіе или идиотизмъ, или преступленіе, или иное несчастіе, короче — все, что поражало и убивало до сихъ поръ людей — тѣмъ не менѣе прирожденные и чудныя способности наши къ добру будутъ существовать въ насъ до конца. Кто относится съ презрѣніемъ къ поступкамъ ближнихъ, для того природа человѣка остается непонятной и скрытой. Но для мыслителя, жаждущаго объяснить ихъ великій принципъ дѣйствія во всѣхъ его различныхъ формахъ, каждое положеніе, въ какомъ только можетъ находиться человѣкъ, исполнено несказаннаго интереса.

Есть еще классъ людей, въ лицѣ которыхъ свобода и достоинство человѣка позорно унижаются: это—преступники. Положеніе этихъ несчастныхъ крайне постыдно. Близкіе смотрятъ на нихъ съ отвращеніемъ, презрѣніемъ и почти съ ужасомъ. Ихъ лишаютъ свободы и часто принуждаютъ исполнять самыя унижительныя работы и подчиняться самымъ оскорбительнымъ правиламъ тюремной дисциплины. Выпущенные на свободу, они проводятъ жизнь свою въ постоянномъ страхѣ и позорѣ, избѣгая ближнихъ: подвергаясь постоянно надзору и гоненію полиціи, они возбуждаютъ во всѣхъ подозрѣніе и отвращеніе. Нѣтъ жизни, которая была бы болѣе ужасна и убійственна для чувства собственнаго достоинства и свободы, а слѣдовательно болѣе противна человѣческой природѣ. Кто рѣшится на такую жизнь, если его не принудятъ къ ней самыя злосчастныя обстоятельства! Но въ этомъ случаѣ, какъ въ проституціи и при другихъ обстоятельствахъ, когда унижается цѣлый классъ общества, вина должна падать на все общество. Справедливо говорится, что свобода вора—неволя честнаго человѣка, чѣмъ больше преступленій совершается въ обществѣ, тѣмъ сильнѣе страдаетъ свобода и достоинство каждаго человѣка. Кромѣ того, позорящія и варварскія наказанія и то ужасное униженіе, въ которомъ находятся несчастные преступники бросаютъ мрачную тѣнь на все общество. Въ силу всеобщей и необходимой связи взаимныхъ интересовъ, которая соединяетъ всѣхъ насъ, каждый долженъ страдать или унижаться, когда страдаютъ и унижаются другіе.

Гнусный принципъ возмездія, на которомъ основанъ нашъ уголовный кодексъ, страшно унижилъ человѣчество. Только недавно сталъ проникать въ него другой, истинный принципъ наказаній, состоящій въ томъ, что каждое наказаніе должно быть направлено къ исправленію преступника и къ предупрежденію преступленій. Я не знаю болѣе возмутительной книги, какъ „Newgate Calendar“ (записки лондонскаго уголовного суда). Духъ безпощаднаго палачества, которымъ проникнута эта книга, характеристика людей, которые изображаются въ ней чудовищами жестокости и подлости, безъ всякаго желанія объяснить естественныя причины, которыя испортили ихъ божественную натуру, а также отсутствіе всякаго честнаго стремленія исправить преступниковъ, съ которыми обращаются варварски,—все это обращаетъ книгу въ таю ои сборникъ ужасовъ, которые подавляютъ васъ, какъ ночной кошмаръ. Безуміе и безсердечіе—что можетъ быть хуже этого.—Какая же польза ненавидѣть и мозорить преступника, вѣшать его, какъ собаку, ссылатъ на каторгу, заковывать и вообще обращаться съ нимъ жестоко? Развѣ отъ такого обращенія уменьшится число преступленій или возвысится наше нравственное чувство?

Нѣтъ, послѣдствія совершенно иныя.—Ничто не ожесточаетъ преступниковъ въ такой степени, какъ унижительныя наказанія, которыя укореняютъ въ нихъ еще болѣе дурныя привычки и, кромѣ того, воз-

буждаютъ жажду мести. Смертная казнь, еще существующая у насъ, есть прямое отрицаніе всѣхъ нравственныхъ началъ наказанія. Вызывая кровавадныя и постыдныя чувства, она побуждаетъ къ насилию. Чувство того ужаса и отвращенія, которое обыкновенно ощущается къ преступникамъ, также наноситъ сильный вредъ интересамъ всего общества. Оно унижаетъ преступника, мѣшаетъ ему стремиться къ исправленію и, въ то же время, портитъ тѣхъ, кто питаетъ въ себѣ эти чувства, потому что нѣтъ ничего предосудительнѣе, какъ чуждаться и ненавидѣть когонибудь при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Преступленіе, сумасшествіе и проституція—вотъ три несчастныя состоянія, которыя болѣе всего, можетъ быть, возбуждали къ себѣ отвращеніе, ко вреду и пагубѣ общества. Но оно въ этихъ случаяхъ поступаетъ точно также, какъ медикъ, который въ ужасѣ бѣжитъ отъ больного, вмѣсто того, чтобы стараться облегчить его и остановить развитіе болѣзни.

На самомъ дѣлѣ, въ преступленіи или сумасшествіи нѣтъ ничего страннаго или необыкновеннаго. И то, и другое происходитъ отъ постоянныхъ и опредѣленныхъ причинъ, которыя доступны для нашего изслѣдованія такъ же, какъ и законы физики; разница только въ томъ, что понятіе явленія духа человѣческаго, вслѣдствіе большей ихъ сложности, гораздо труднѣе. Мало того: преступленіе, какъ проституція и почти всѣ остальные несчастія нашего общества, имѣютъ свою первичную причину въ законѣ народонаселенія, который низвергаетъ насъ въ бездну нищеты и невѣжества. Вотъ почему онѣ, какъ и другія напасти, являются, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неумѣреннаго дѣторожденія; слѣдовательно, семейные люди меньше всѣхъ прочихъ имѣютъ право осуждать проступки своихъ ближнихъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что каждый изъ насъ можетъ неизбѣжно впасть въ преступленіе или безуміе, если будетъ поставленъ въ извѣстныя обстоятельства; такіа размышленія должны побуждать насъ относиться съ чувствомъ симпатіи и состраданія къ тѣмъ несчастнымъ, которые сдѣлались жертвами подобныхъ обстоятельствъ. Я знаю, что многіе не признаютъ вліянія обстоятельствъ на образованіе характера и знаю какъ сильно противорѣчить это ученіе общепринятымъ теперь религіознымъ идеямъ, которыя, проповѣдая догматъ безсмертія, тѣмъ самымъ признаютъ и неограниченную свободу воли челоѣка. Впрочемъ, чѣмъ ближе мы всматриваемся въ этотъ предметъ, тѣмъ яснѣе понимаемъ, что дурныя *внѣшнія обстоятельства* всегда мѣшаютъ правильному развитію существенно-хорошихъ силъ духа и тѣла. Не входя въ дальнѣйшій разборъ связи между свободою воли и необходимостью, мы видимъ въ ней прежде всего условіе и основаніе для уваженія нашихъ ближнихъ, какъ бы низко они не падали. Въ ней же мы находимъ ключъ для объясненія современнаго состоянія общества и возможности его возрожденія въ будущемъ. Ничто не доказало такъ ясно коренной ошибочности господствующихъ ученій о *свободѣ воли* челоѣка и о власти его надъ условіями жизни, какъ открытіе закона народона-

селения, который доказываетъ, что страшныя бѣдствія нашего общества абсолютно неизбѣжны и что извѣстная часть его *необходимо, принуждена страдать* вслѣдствіе невѣжества и неблагоразумія другой. Кто зараженъ ложнымъ въ своей основѣ вѣрованіемъ, что преступленія и другія несчастія протекають изъ первороднаго грѣха, тотъ долженъ имѣть самыя безправственныя понятія объ обществѣ, но кто знаетъ, что каждое преступленіе вызывается виѣшними обстоятельствами и всегда противно природѣ человѣка, тотъ не теряетъ надежды и способенъ найти средства для предупрежденія и уничтоженія преступленій.

Какъ отраднo перейти отъ книги, въ родѣ „Newgate Calendar“, къ гуманному и достойному сочиненію Гилля „О преступленіи“. Здѣсь, вмѣсто безнадежнаго чувства отвращенія и неумолимаго мщенія, которое можетъ только породить зло, мы встрѣчаемъ добросовѣстный и философскій анализъ преступленія, сдѣланный человѣкомъ съ сердцемъ, который не гнушается преступника, изучаетъ всѣ фазы и причины преступленія, а потому и надѣется на устраненіе и предупрежденіе ихъ. И кто не почувствуетъ состраданія къ преступнику, если прослѣдить его жизнь и представить ее во всѣхъ тяжкихъ и унижительныхъ обстоятельствахъ, съ которыми незнакомы совѣмъ и которыхъ не встрѣчали на пути своемъ всѣ мы, родившіеся въ средѣ богатыхъ и обезпеченныхъ классовъ! Выросшій въ нищетѣ со всѣми ея униженіями и искушеніями, воспитанный, можетъ быть, порочными родителями, которые принуждали его къ преступленіямъ, какъ къ исполненію своей обязанности, битый и обижаемый,—что же удивительнаго, если онъ, злосчастный, сталъ бродягой и извергомъ общества, который готовъ поднять руку на всякаго, потому что руки всѣхъ подняты на него?—Но даже и въ средѣ этихъ несчастныхъ, всѣми презираемыхъ людей не уничтожается прирожденное человѣку благородство. Въ мрачныхъ стѣнахъ темницы бывають чудныя проявленія благодарности и привязанности, вызываемыя хорошимъ обращеніемъ съ преступниками. „Смотритель тюрьмы“, говоритъ Гилль, „часто бываетъ первымъ другомъ, котораго встрѣчаютъ заключенные, первымъ человѣкомъ, который относится къ нимъ съ добротою, даетъ имъ хорошіе совѣты и принимаетъ въ нихъ сердечное участіе. За то и привязанность, и благодарность, которыя возбуждаетъ въ нихъ добрый смотритель тюрьмы, бывають поразительны“. „Самое существенное“, говоритъ онъ далѣе, „что требуется отъ хорошаго смотрителя тюрьмы и подчиненныхъ ему служителей, состоятъ въ томъ, чтобы они принимали горячее участіе въ судьбѣ заключенныхъ и въ ихъ исправленіи, обращаясь съ ними великодушно: это гораздо важнѣе всякой усовершенствованной тюремной дисциплины и безъ этого ничего нельзя сдѣлать“. Подобныя истины имѣють самое общее приложеніе, потому что, на самомъ дѣлѣ, всѣ члены общества — стражи преступниковъ. Если мы не станемъ относиться къ нимъ въ духѣ братской любви и уваженія, если не будемъ изъявлять сердечнаго желанія, чтобы они исправились, то

сдѣлаемъ очень мало для искорененія преступленій. Но съ другой стороны, если мы старательно изслѣдуемъ всѣ причины преступленій и употребимъ всевозможныя средства для ихъ предупрежденія и исправленія преступниковъ тѣмъ способомъ, на который указалъ Гилль, то будемъ имѣть право надѣяться, что „преступленія сдѣлаются такъ рѣдки, что не стануть вредить обществу“.

Здѣсь нѣтъ нужды распространяться объ униженіяхъ и ограниченіяхъ, которыя приходится выносить человѣку при существованіи системы *политическаго цнетенія*. Это слишкомъ хорошо извѣстно всѣмъ, и въ Англіи, по счастью, свобода и достоинство человѣка мало страдаютъ отъ этой причины. Однако же, нельзя сказать, чтобы даже и въ Англіи политическая свобода была бы удовлетворительна: число людей недовольныхъ ея политическими учрежденіями очень велико. Прежде всего мы видимъ вопіющую несправедливость ограниченаго избирательнаго права, хотя послѣдній избирательный законъ значительно^е исправилъ эту несправедливость. Значительная часть нашего народа не имѣетъ права голоса въ политическихъ дѣлахъ; а гдѣ существуетъ такое положеніе вещей, тамъ не достааетъ одного изъ первыхъ существенныхъ условій политической свободы и достоинства. Нѣтъ и не можетъ быть справедливости безъ *всеобщей подачи голосовъ*. Каждый взрослый членъ общества, мужчина и женщина, ненарушившій законовъ, долженъ имѣть голосъ въ законодательствѣ. Въ этомъ заключается естественная аксіома политической справедливости, и пока она не будетъ примѣняться на дѣлѣ, до тѣхъ поръ не пропадетъ сознаніе и чувство, что съ людьми поступаютъ несправедливо. (Въ 1867 г. Милль предложилъ парламенту дать женщинамъ право избирательнаго голоса на тѣхъ же условіяхъ, какъ мужчинамъ. Несмотря на то, что его предложеніе было отвергнуто, однако же 75 членовъ парламента подали голосъ въ пользу этого акта справедливости). Позоръ обществу, въ которомъ множество людей находится въ униженіи и невѣжествѣ такъ, что ихъ считаютъ недостойными имѣть свой голосъ въ дѣлахъ общественнаго интереса. При сознаніи своего политическаго права, какъ и при обладаніи собственностью, развивается и нравственное образованіе, которое возвышаетъ человѣка въ собственныхъ глазахъ и пробуждаетъ чувство общаго къ нему уваженія; напротивъ того, лишеніе или отсутствіе политическаго права и избирательнаго голоса погружаетъ человѣка въ пропасть униженія.

Точно также и существованіе *аристократіи* значительно способствуетъ уменьшенію равнаго и взаимнаго уваженія, которое должно господствовать между всѣми членами общества. Небольшая кучка привилегированныхъ, которые рождаются на свѣтъ съ титуломъ, постоянно склонна смотрѣть на всѣхъ остальныхъ людей, какъ на низшую породу, и терять окончательно чувство равнаго достоинства, которое принадлежить всѣмъ людямъ безъ различія. Что касается положенія аристокра-

ти между другими классами общества, то ей льстят и пресмыкаются передъ нею или же, наоборотъ, ей завидуютъ и ненавидятъ ее за то, что она пользуется исключительными привилегіями.

Всѣ наслѣдственные титулы ведутъ къ тому, что лишаютъ здраваго и нравственнаго смысла какъ тѣхъ, кто ими обладаетъ, такъ и остальное общество. Они побуждаютъ преклоняться передъ тѣнью и пренебрегать сущностью, заставляютъ забывать, что самъ человѣкъ вообще и человѣческія доблести заслуживаютъ нашего уваженія, а не обычные имена или случайныя отличія. Кто уважаетъ королеву на тронѣ больше, чѣмъ бѣдную и оборванную швею на чердакѣ, тотъ не имѣетъ настоящаго понятія о природномъ достоинствѣ человѣка. *Уваженіе за уваженіе*—вотъ правило, которое должно быть всемірнымъ принципомъ; уважай меня, и я стану уважать тебя; не ожидай отъ меня, другъ мой, уваженія, если станешь презирать меня. Каждый обладаетъ совершенно одинаковымъ природнымъ достоинствомъ и правомъ на уваженіе. Если бы бѣдные классы не зависѣли отъ богатыхъ, если бы каждый имѣлъ возможность добывать себѣ средства, къ существованію, не ожидая милости отъ всякаго господина, то мы не видѣли бы того рабства и лакейства, которое такъ унижаетъ чувство человѣческаго достоинства. Въ настоящее время рабочіе классы доведены до отчаянія зависимостью своего положенія. Въ Лондонѣ очень многіе изъ нихъ смотрятъ на аристократію и богатые классы съ затаенной ненавистью и злобою; но, сознавая свою зависимость, они не осмѣливаются обнаруживать этихъ чувствъ. Долго ли будетъ продолжаться это ужасное положеніе вещей? Оно должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока всѣ не станутъ независимыми: только *всеобщая независимость* даетъ каждому возможность требовать отъ всѣхъ согражданъ равнаго къ себѣ уваженія. Пока этого не будетъ, въ обществѣ не уничтожатся тѣ пагубныя отличія, которыя раздѣляютъ людей на классы, и не исчезнутъ тѣ кастовыя предрасудки, которые такъ опасны и для общаго счастья, и для безопасности общества.

Вотъ краткій очеркъ четырехъ главныхъ вліяній, дѣйствующихъ разрушительно на достоинство, свободу и независимость человѣчества. Чтобы пользоваться этими благами, мы должны, стало быть, постоянно стремиться къ ихъ устраненію. Эти *четыре ужасныя тираніи* въ различныхъ странахъ дѣйствуютъ различно. Такъ, напр., въ Англіи политическая тиранія гораздо слабѣе, чѣмъ въ континентѣ; но съ другой стороны, тиранія пищи, любви и религіи тамъ во многихъ отношеніяхъ несравненно сильнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Европы. Ни во Франціи, ни въ Германіи мы не видимъ такой гнусной и грязной нищеты, какая существуетъ въ Англіи. Нигдѣ затрудненія къ добыванію средствъ къ существованію не велики такъ, какъ въ этой странѣ; нигдѣ также нѣтъ такой неумолимой конкуренціи. Во Франціи и въ Германіи тиранія любви и религіи не производитъ даже и приблизительно такого сильнаго

гнета какъ въ Англіи, а потому въ тѣхъ странахъ существуетъ, можетъ быть, больше довольства и истинной свободы. Совершенно ошибочно предполагать, что весь вопросъ о свободѣ заключается въ политической конституціи страны. Какъ мы уже видѣли, есть много другихъ вопросовъ, которые имѣютъ такую же важность для свободы каждаго, какъ и политическія учрежденія. Основной принципъ свободы, по словамъ Милля, заключается въ томъ, что всякій поступокъ отдѣльнаго лица, который касается только его одного, долженъ быть совершенно свободенъ, и что общество имѣетъ право запрещать насильно только такія дѣйствія, которыя вредны для другихъ. Мнѣ кажется, что это одна изъ самыхъ глубокихъ нравственныхъ истинъ.

Въ сущности все равно, будетъ ли человѣкъ порабощенъ деспотическимъ правительствомъ или крайнею нуждою. Въ дѣйствительности, необходимость добывать насущный хлѣбъ и удовлетворять своимъ половымъ потребностямъ, для сохраненія здоровья, составляетъ, можетъ быть, болѣе важную причину рабства и униженія, чѣмъ всякая форма правленія; по крайней мѣрѣ, въ Англіи, эта причина гораздо важнѣе, чѣмъ вліяніе правительства, которое во многихъ отношеніяхъ очень хорошо. Главная разница состоитъ въ томъ, что люди болѣе возмущаются тѣми бѣдствіями, которыя происходятъ по винѣ другихъ людей, чѣмъ тѣми, которыя, повидимому, происходятъ въ силу необходимыхъ причинъ. Но эта разница болѣе видимая, чѣмъ дѣйствительная, потому что, какъ говорилось уже прежде, недостатокъ въ пищѣ и любви, т. е. самое важное зло нашего общества, происходитъ отъ монополіи въ любви и отъ излишняго дѣторожденія, что неизбѣжно подвергаетъ людей страшнымъ лишеніямъ. Такимъ образомъ женатые, имѣющіе многочисленное семейство, такъ же дѣйствительно, хотя и невольно, заставляютъ страдать своихъ ближнихъ, какъ и деспоты. Не крайняя нужда, а неблагоразуміе женатыхъ людей обрекаетъ остальное человѣчество на тяжелый трудъ и половыя лишенія.

Прекрасное правило: „Люби своего ближняго, какъ самого себя“. Но правило: „уважай своего ближняго, какъ самого себя“ не менѣе вѣрно и прекрасно, и въ немъ мы нуждаемся для жизни болѣе всего. Мы всѣ уважаемъ себя; человѣкъ никогда не теряетъ вполнѣ уваженія къ самому себѣ. О своихъ поступкахъ онъ всегда имѣетъ лучшее мнѣніе; въ этомъ выражается тотъ чудный естественный инстинктъ, который доказываетъ ему, что по природѣ своей онъ благороденъ и добръ. Но при сужденіи о своихъ ближнихъ, мы поступаемъ совсѣмъ иначе. Мы пользуемся самымъ ничтожнымъ предлогомъ, чтобы пренебрегать ближнимъ, дурно отзываться о немъ, перетолковывать его слова и поступки, смотрѣть на нихъ съ отвращеніемъ и ненавистью. Если бы мы слѣдовали великому принципу нравственности: „уважай своего ближняго какъ самого себя“, — то неужели стали бы судить о ближнихъ хуже, чѣмъ о себѣ самихъ?

Мы нуждаемся въ уваженіи гораздо болѣе, чѣмъ въ любви, потому что на уваженіе обращали меньше вниманія. Ученіе о всеобщей любви въ теченіе вѣковъ проповѣдывалось христіанскими моралистами, межъ тѣмъ какъ ученіе объ уваженіи *къ человеку* было забыто. Чувство уваженія доказываетъ, что человекъ по существу своему добръ; слѣдовательно, это чувство несовмѣстимо и съ ученіемъ о первородномъ грѣхѣ и вѣчной мукѣ. Безъ уваженія любовь ничтожна и не можетъ долго продолжаться. Любовь, проникнутая сожалѣніемъ, съ которымъ христіанскій моралистъ привыкъ смотрѣть на человѣчество, „на падшую породу“, какъ онъ его называетъ, не принесетъ пользы человеку, потому что она унижаетъ его. Сожалѣніе обидно для такого величественнаго существа, какъ человекъ; его могучая натура инстинктивно ненавидитъ его. Не въ сожалѣнія, даже самомъ добродушномъ нуждаются наши нищіе, наши преступники и въ особенности наши проститутки, а въ *уваженіи*, въ томъ чувствѣ, которое вызываетъ въ сердцахъ несчастныхъ сознаніе своего достоинства и только одно способно сдѣлаться основой дѣйствительнаго возрожденія.

Уваженіе,—вотъ единственно-вѣрное чувство, съ которымъ можно смотрѣть на такое чудное существо, какъ человекъ, въ какомъ бы состояніи случайнаго униженія онъ ни находился. Можемъ ли мы понять человека, когда позволяемъ себѣ не уважать его? Сердце истиннаго филантропа инстинктивно обращается къ несчастнымъ, чтобы отдать имъ дань почтенія. Не тамъ ли должны мы расточать это чувство, гдѣ въ немъ сильнѣе всего нуждаются. Пусть другіе преклоняются предъ алтаремъ богатства, высокаго общественнаго положенія и добродѣтели! Нѣтъ, истинно любящее сердце станетъ искать отверженныхъ обитателей рабочихъ домовъ, тюремъ и домовъ терпимости; тамъ его братская любовь и уваженіе могутъ сдѣлать много для возвышенія ближнихъ. Пусть онъ преклонится предъ падшимъ величіемъ этихъ злосчастныхъ чадъ человѣчества! Пусть онъ дастъ себѣ искренній обѣтъ никогда не презирать ихъ, какъ дѣлаютъ другіе, и не покидать ихъ, пока они не выйдутъ изъ своего унижительнаго состоянія и пока хоть одинъ человекъ на землѣ будетъ находиться въ ужасномъ положеніи изверга общества.

Никто не долженъ презирать другого. Это чувство бессмысленно и нечеловѣчно, потому что основывается на предположеніи, будто мы стоимъ сами безконечно выше другихъ людей, что невозможно. Нѣтъ во всей природѣ такого существа, которое, подобно человеку, стояло бы выше нашего пониманія; стало быть, нѣтъ существа, которое мы должны презирать. Кто не уважаетъ другого, тотъ тѣмъ самымъ унижаетъ самого себя, потому что это неуваженіе неизбѣжно распространяетъ на все человѣчество. Мы обязаны уважать всѣхъ, потому что, уважая, возвышаемъ ихъ и дѣлаемъ имъ добро; а мы обязаны дѣлать его по мѣрѣ нашихъ силъ. Взаимное уваженіе—основаніе вѣжливости, достоинства и доброжелатель-

ства въ обществѣ; оно выражаетъ сущность общественныхъ добродѣтелей. Мало того, уваженіе должно воздаваться человѣку, какъ человѣку вообще, а не сообразно его положенію въ обществѣ, таланту, добродѣтели или другому случайному преимуществу. Въ настоящее время каждая ничтожная разница,—какъ напр. принадлежность къ той или другой партіи, религіозныя вѣрованія, поведеніе, вкусы для удовольствія, состояніе, привычки, воспитаніе и проч.,—считается достаточною причиною для оправданія презрительнаго обращенія однихъ съ другими. Спиритуалистъ смотритъ свысока на сенсуалиста, а этотъ послѣдній платитъ ему тою-же монетою. Благородный презираетъ плебея, а умный радикалъ безмозглаго аристократа. Талантливый человѣкъ потѣшается надъ дуракомъ, а святой избѣгаетъ грѣшника. Красота смотритъ свысока на уродство, которое утѣшаетъ себя притворнымъ презрѣніемъ красивой внѣшности, подъ которой кроется внутренняя пустота. Такимъ образомъ, между нами едва ли найдется хоть одинъ, кто не имѣлъ бы своихъ особенныхъ антипатій, своихъ основаній для презрѣнія, чтобы возвыситься на счетъ униженія своихъ ближнихъ, и который, въ свою очередь, не былъ бы въ презрѣніи и у другихъ. Увы! затѣмъ ли мы живемъ, чтобы испытывать такія гнусныя чувства?

Уваженіе, основанное на случайности, не заслуживаетъ нашего вниманія. Кто изъ насъ можетъ сказать, для какой жизни могъ бы онъ родиться или до какой участи могли бы довести его обстоятельства? Самъ ли человѣкъ выбиралъ случайности рожденія, чтобы появиться на свѣтъ съ готовымъ богатствомъ, талантами, добродѣтелями или среди лохмотьевъ нищеты, съ задатками болѣзни и преступленія въ силу того, что слишкомъ слабъ для борьбы съ окружающими обстоятельствами? Пока уваженіе достается только на долю любимцевъ счастья—богатыхъ, сильныхъ, добродѣтельныхъ и умныхъ—что оно значитъ? Кто знаетъ—станутъ ли его уважать? Увы, кто отъ рожденія не пользуется благами жизни, тотъ наиболѣе нуждается въ нашемъ уваженіи, любви и помощи, чтобы исправить отчасти неравенство въ счастья. Пока случайное уваженіе руководитъ нашими поступками, никто не можетъ быть покоенъ, никто не можетъ положиться на своихъ ближнихъ. При всемъ добромъ своемъ желаніи, въ теченіе всей своей жизни каждый постоянно рискуетъ подвергнуться презрѣнію другихъ, которое всегда обидно и несправедливо. Какъ истинный нравственный принципъ не заключается въ правилѣ: „люби такого-то и презирай такого-то“, такъ не заключается онъ и въ правилѣ: „уважай однихъ и пренебрегай другими“. Этотъ принципъ говоритъ: „уважай всякаго“, кто бы онъ ни былъ. Философскій умъ не забываетъ никогда этого великаго принципа. Всѣ мы должны стараться распространять его въ общественной жизни, чтобы устранять тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ развитію чувства собственнаго достоинства, свободы и независимости; только на общемъ развитіи этихъ чувствъ можетъ быть основано взаимное уваженіе между людьми. Безъ

этихъ чувствъ, при необходимости бороться противъ зависимости, рабства и униженія, пропадаетъ уваженіе человѣка къ самому себѣ и къ другимъ. Пока пагубное вліяніе принципа народонаселенія, не исчезнетъ, въ силу предупредительнаго соитія, до тѣхъ поръ свобода человѣчества останется мечтою. Только тогда, когда каждый взрослый членъ общества получить возможность вести независимую жизнь; когда каждый мужчина и каждая женщина будутъ свободно наслаждаться любовью; когда всѣмъ можно будетъ открыто высказывать свои вѣрованія не возбуждая противъ себя презрѣнія или ненависти своихъ ближнихъ; когда скрытность и двуличность станутъ рѣдки и люди будутъ свободно выражать свои желанія и жить, какъ хочется, согласно своей природѣ — только тогда достоинство, свобода и независимость будутъ общимъ достояніемъ.

